

З.Г. Сактаганова¹, Ж.Б. Абылхожин²¹Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан;²Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан
(E-mail: zauresh63@mail.ru)

«Целинный проект»: достижения и проблемы (социально-экономические и экологические аспекты освоения целины)

В статье объектом изучения стала аграрная политика Н.С. Хрущева по освоению целинных и залежных земель и практика ее реализации в Казахстане. Рассмотрены при решении целинного вопроса противоречия и противостояние как внутри союзного руководства, между учеными-аграрниками, так и между Н.С. Хрущевым и казахстанскими руководителями. На основе архивных и статистических материалов отслежены ход и последствия освоения целинных земель в Казахской ССР. Авторами дан историографический обзор советской литературы про целину и сделан вывод о том, что в целом в работах присутствовали положительные оценки освоения целинных и залежных земель на территории Казахстана. Современная казахстанская историография по целинной проблематике прошла путь от радикально отрицательной оценки в 1990-е до научно взвешенной в 2000-е годы. Специальных фундаментальных работ по освоению целины в отечественной исторической науке пока нет. Эти процессы рассматриваются в контексте изучения социально-экономических проблем КазССР в советский период. В целом, авторы считают, что тема целины перспективна в научном плане и вызывает в последние годы интерес не только у специалистов, но и у казахстанской общественности.

Ключевые слова: история Казахстана, целина, освоение целинных и залежных земель, аграрная политика, казахстанская историография.

Введение

Историография проблемы освоения целинных и залежных земель Казахстана имеет более чем полувековую историю изучения, причем наличие в публикациях достаточно полярных теоретико-методологических парадигм не связано исключительно со сменой советской методологии современными концепциями исследований. Тема активно разрабатывалась и была весьма популярна в советской историографии, в частности, по сведениям исследователей, только за пару первых десятилетий, к середине 1970-х гг., про целину было написано более 1500 работ [1]. Вся советская историография в целом положительно оценивала целинный подвиг и итоги кампании, констатируя лишь позитивные последствия проекта для Казахской ССР и Союза в целом. Принципиальная разница в публикациях разных десятилетий советской эпохи заключалась в двух позициях: во-первых, в обозначении и восхвалении автора «Целинного проекта» Н.С. Хрущева (в 1954–1960-е гг.) либо умалчивании о нем и подчеркивании в данных процессах роли Л.И. Брежнева (в 1970-е–1980-е гг.); во-вторых, критика последствий целины в 70–80-е годы прошлого века была сосредоточена преимущественно на волюнтаризме и авторитаризме действий Н. Хрущева — в общей неподготовленности этой кампании, тяжёлом экономическом ущербе, причинённом развитию сельского хозяйства в центральных, «старопашотных» областях страны и др.

Для современной историографии (как зарубежной, в первую очередь российской, так и отечественной) был характерен определенный бум интереса, пришедшийся на 1990-е — начало 2000-х гг., после рассекречивания многих архивных документов. В этом историографическом срезе также отслеживаются полярные сюжеты. Ряд авторов сохраняют старые советские историографические традиции по оценке результатов и последствий целины; некоторые же делают акценты на исключительно негативных последствиях, умалчивая о причинах осуществления данного проекта, всех аспектах его реализации и результатах; большинство специалистов по аграрной российской истории дают комплексную аналитическую реконструкцию событий, охватывая многие аспекты и многие сюжеты целинной эпопеи.

Часть российских исследователей, оценивая целину, считают, что данный проект был «поспешный и непродуманный», в него вложили огромные средства и усилия. Действительно, за 1954–1961 гг. целина поглотила 20 % всех вложений СССР в сельское хозяйство. С. Журавлев считает, что в результате целинных вложений «застопорилось аграрное развитие традиционных районов земледе-

лия, включая особенно перспективные в плане повышения урожайности черноземные регионы Украины, России, а также Нечерноземье» [2].

Несколько иной точки зрения о довольно высоком уровне эффективности целинной кампании на начальном этапе ее проведения придерживаются О.М. Вербицкая, И.Е. Зеленин, А.А. Никонов и другие [3; 118]. Данные исследователи сходятся во мнении, что негативные явления в зерновом производстве целинных районов стали проявляться с конца 1950-х гг. О.М. Вербицкая считает, что целинная эпопея была задумана и в целом удачно осуществлена под хрущевским руководством. «Целинный проект Н.С. Хрущева в отличие от современных аграрных реформ прошел весьма тщательную предварительную проработку» [4]. Другое дело, пишет она, что, несмотря на признание серьезного вклада освоенных целинных земель в общее увеличение производства зерна, ряд других позитивных сторон этой акции замалчивался, и основной акцент всегда был смещен в сторону негативных моментов, которые ей сопутствовали. В результате истинные масштабы сделанного и экономическая эффективность данного мероприятия с годами отошли как бы на второй план, а на поверхности остались уничижительные оценки. Нельзя не согласиться в этом утверждении с исследователем Вербицкой, поскольку в оценке итогов целины встречаются и резко негативные позиции, чаще в публицистике. В частности, приведем (не во всем соглашаясь с данным мнением) небольшой фрагмент: «Из-за этого (целинной кампании. — *З.С., Ж.А.*) аграрное развитие традиционных русских районов земледелия осталось без изменений или даже стало деградировать... По комсомольским разнарядкам в казахские степи гнали молодежь, направляли технических специалистов, направляли целые выпуски учителей, врачей и агрономов. Отправляли и молодых колхозников из «неперспективных» мест. По сути, это была массовая депортация русских из их коренных земель, которые в это время запустели» [5].

Для современной казахстанской историографии также характерны достаточно противоречивые оценки итогов целины со следующими доминирующими тенденциями: с акцентом исключительно на негативные последствия и низкую результативность целинных вложений в 1990-е гг. и более взвешенные и объективные, с комплексным анализом и детальной проработкой в 2000-е. Появляются единичные работы казахстанских авторов (диссертации), где целина стала объектом специального исследования [6], но, как правило, целинные проблемы рассматривались в общем контексте проблем социально-экономической истории Казахстана XX в. [7].

Проблемы освоения целины и выбора региона освоения целинных земель поднимались в досоветской и советской истории еще с начала XX в. И если вести речь об этапах освоения целинных земель в республике, можно говорить об отдельном этапе в период столыпинских реформ в начале прошлого столетия и выделить 3 этапа в решении данных проблем в советский период: 1 этап — 1920-е – 1930-е гг.; 2 этап — 1940-е – начало 1950-х гг.; 3 этап — 1954–1960-е гг. Рассмотрим освоение целины в советскую эпоху.

На первом этапе (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) советская программа массового освоения новых земель, инициированная И.В. Сталиным, была нацелена на быстрейшее решение зерновой (и животноводческой) проблемы, создание «мощных опорных рычагов» коллективизации в лице крупных зерновых и животноводческих совхозов — «фабрик зерна», мяса и молока [8]. К 1932 г. планировалось в необжитых районах страны создать несколько тысяч новых государственных хозяйств, освоить около 14 млн га целинных и залежных земель; было организовано около 2 тыс. зерновых и животноводческих совхозов, распахано 7,3 млн га новых земель. Но масштабные результаты по освоению целины и созданию в Казахстане зернового производства получены не были.

На втором этапе (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.) острую проблему обеспечения страны продовольствием пытались решить посредством расширения посевных площадей. Советом Министров СССР 26 декабря 1946 г. было принято постановление «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР». По данному постановлению в 1947 г. планировалось расширить посевные площади на 10 млн га, причем в 1947–1949 гг. предполагалось освоить площади под зерновые культуры в восточных районах СССР. На первом и втором этапах идею столь масштабной целинной распашки активно критиковали ученые-аграрники, и несмотря на определенные результаты в целом программы по освоению целинных земель не были реализованы.

На третьем этапе «целинная» идея вынашивалась Н.С. Хрущевым и впервые, по мнению И.Е. Зеленина, О.М. Вербицкой и других российских исследователей, была озвучена им в сентябре 1953 г. на пленуме, принявшем программу подъема сельского хозяйства, предусматривавшую замет-

ный рост финансирования отрасли, повышение материальной заинтересованности колхозного крестьянства и др. И в течение последующего полугодия (до февральско-мартовского пленума 1954 г.) Хрущев методично и системно «пробивает» принятие целинного проекта. Фактически, считает российский исследователь И.Е. Зеленин, проект был запущен еще до решений пленума 1954 г., и практическая работа по еще не утвержденной программе широко развернулась за полгода до пленума — с осени 1953 г. Он отмечает, что проект еще не был утвержден, программа не была принята на партийном форуме, но «первой точкой отсчета реализации» стали указания Хрущева казахстанской делегации (9 сентября 1953 г.); второй — его записка в президиум ЦК КПСС (22 января 1954 г.); третьей, на этот раз публичной, — Обращение ЦК КПСС ко всем избирателям (11 февраля 1954 г.), в котором уже шла речь об освоении целинных земель (назывались районы ее освоения, говорилось о большом значении этой меры и т.п.) [9; 91].

Как же шел процесс обсуждения этой проблемы и сам процесс освоения целины в Казахской ССР?

Экстенсивный маневр на Восток в 1950-е гг.

В начале 1950-х гг. страна продолжала испытывать достаточно острый продовольственный кризис, который во многом являлся проекцией зернового дефицита. В Казахстане в первую послевоенную пятилетку (1946–1950 гг.) среднегодовая урожайность зерновых равнялась показателям 1913 г. — 4–6 ц/га. Среднегодовые валовые сборы зерна были меньше, чем в доколхозном 1928 г., т. е. до «тракторизации» сельского хозяйства. «Хлебная проблема» становилась не только хронической, но и нарастающе обострялась. Ведь вследствие послевоенного нищенского и полуголодного существования колхозное крестьянство массами сбегало в города, стремительно пополняя их население (неверие в колхозную перспективу усиливалось впечатлениями демобилизованных солдат, которые, освобождая Восточную Европу от фашизма, попутно воочию могли наблюдать «культурную» и зажиточную жизнь тамошнего крестьянства в благоустроенных сельских поселениях).

Несмотря на почти «феодално-крепостное» закрепощение сельчан за колхозами (отсутствие у них паспортов, различные запретительные меры по недопущению произвольного выбытия колхозников в города и т. п.), исход из деревни непрестанно ширился. С 1946 по 1953 гг. ее покинули около 8 млн человек. В Казахстане количество городского населения только с 1950 по 1953 гг. возросло почти на 500 тыс. [10]. В результате этого численность нетто-потребителей зерновых (и не только) продуктов питания динамично увеличивалась, и стагнирующее сельское хозяйство никак не поспевало за этим процессом.

Вольно или невольно, но новое руководство во главе с Н.Хрущевым должно было продемонстрировать обществу свое видение решения этой, уже перманентной для страны проблемы. Гипотетически ситуация могла развиваться двумя путями. Первый и наиболее рациональный вариант выхода из кризиса предполагал радикальную развязку, а именно: глубокую трансформацию системы производственных отношений, т.е. переход к рыночным механизмам, а также включение личного интереса, что было достижимо лишь по мере приватизации собственности, и прежде всего — земли.

Однако в тех условиях допустимость такого решения абсолютно исключалась. Предполагать обратное можно лишь посредством современных абстрагированных рассуждений или, того проще, фантазийных умозрений, вырванных из конкретно-исторической данности, экономических и, главное, политико-идеологических реалий, отдаленных от нас более чем полувековой давностью (что называется, назад, в прошлое историческое время и пространство, но с современным «навигационным» инструментарием). Ведь совершенно понятно, что в жестких рамках советской системы социально-политических координат подобное развитие событий не могло не то чтобы даже обсуждаться, но и, вообще, хотя бы на йоту мыслиться. Уже только попытки или полупафосы на постановку вопроса в таком ракурсе тут же были бы обозначены как «абсолютный партийный грех» и предательство «антисобственнических коммунистических идеалов».

В целях самосохранения Система выбрала гораздо более привычную и имманентную, т.е. естественную для нее, экстенсивную модель решения проблемы. Смягчить (а затем устранить) продовольственный кризис предполагалось за счет резкого увеличения зернового клина. В этой связи был взят курс на распашку гигантских земельных массивов на востоке страны, т.е. на освоение целины. Для этого не требовалось поступаться идеологическими догмами. Достаточно было собрать в единую армаду тракторы и, обыгрывая энтузиазм народа, совершить марш-бросок за Урал. Другими словами, как всегда, предполагалось задействовать «генеральный» ресурс развития советской экономики —

стратегию бесконечно расширяющегося природопользования и наращивания в точках ее реализации массы труда, т. е. рабочей силы.

Надо сказать, что идея Целины (хотя уместно здесь заметить, что в принципе она была вовсе не нова, как уже отмечалось выше, земледельчески неосвоенные степные ареалы Юга Урала и Сибири, Северного Казахстана постоянно манили взоры еще имперско-российского правительства П. Столыпина, а также Кремля времен Ленина и Сталина), инициированная Н. Хрущевым, не находила поддержки в высшем руководстве партии. Оппозицию Хрущеву при обсуждении этого проекта в ЦК составили ряд высших руководителей партии и государства (В.М. Молотов, Г.М. Маленков, К.Е. Ворошилов, Л.Каганович). По воспоминаниям Н. Мухитдинова (тогда первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана), на одном из заседаний Президиума ЦК КПСС К. Ворошилов заявил Хрущеву: «Никита, ты забываешь или не знаешь Россию. Посмотри, в каком положении исконно русские области! В бедственном! Целые деревни, хутора запущенны, сплошь бездорожье. Люди не могут одеться, обуться! Многие страдают от безработицы, отсутствия условий для жизни, а ты хочешь государственные деньги еще больше закопать в песках Казахстана!». Более безапелляционно высказался В. Молотов, бросивший Хрущеву реплику: «Ты сломаешь себе шею на целине» [11; 180]. Хотя из книги Ф. Чуева, основанной на его частных беседах уже с пенсионером Молотовым, видно, что тот в своей реакции на «целинный курс» был менее категоричен. «Я никогда не был против освоения целины, — вспоминал В. Молотов, — хотя Хрущев меня обвинил главным противником целины. Но я с самого начала был сторонником освоения целины в ограниченных масштабах, а не в таких громадных, которые нас заставили огромные средства вложить, нести колоссальные расходы вместо того, чтобы в обжитых районах поднимать то, что уже готово... А Хрущев нашел идею и несется, как саврас без узды! Давай, давай! Стал размахиваться, чуть ли не на сорок или сорок пять миллионов гектаров целины отгрыз, но это непосильно, нелепо и ненужно, если бы пятнадцать или семнадцать, вероятно, вышло бы больше пользы. Больше толку... Я сопротивлялся такому большому освоению целины... Я предлагал осуществить это в половинном размере. Не хватит людей, не хватит машин, мы это сделаем за счет других областей» [12; 438]. Но Хрущев был непреклонен. На критику высоких партийных оппонентов «целинного проекта» он твердо ответил: «...Какие бы трудности и сопротивление ни были, мы добьемся цели!» [11; 180].

В частности, возражения В.М. Молотова (о которых мы уже говорили), по мнению российских авторов, были не случайными. Молотов, бывший свидетелем и участником обсуждения целинной проблемы на предыдущих этапах, был хорошо осведомлен о позиции и мнении ученых-аграрников на этот счет. И.Е. Зеленин полагает, что на позиции Молотова сказалась его причастность к неудачным опытам освоения целины рубежа 1920–1930-х гг. По воспоминаниям Д. Шепилова, В.М. Молотов «не отрицал возможности введения в оборот части целинных земель, но не в таких масштабах и не с такой безрассудностью. Он не голосовал против резолюций, предлагавшихся на заседаниях Президиума и на пленумах ЦК, но он делал конкретные замечания и предостерегал против перехода от интенсивного к экстенсивному способу ведения сельского хозяйства. Но эти деловые замечания и предложения, высказанные к тому же в корректной форме, не были тогда приняты» [13; 67].

При составлении своей записки в Президиум ЦК КПСС (22 января 1954 г.), где разрабатывались основы целинного проекта, Н.С. Хрущев использовал материалы, которые ему подготовили С. Демидов (Госплан), И. Бенедиктов (министр сельского хозяйства), Л. Корниец (министр совхозов), А. Козлов (министр заготовок), П. Лобанов (зам. председателя СМ РСФСР), В. Мацкевич (зам. министра заготовок), Т. Юркин (министерство сельского хозяйства РСФСР). Задания по освоению целинных и залежных земель на 1954–1955 гг. и расчеты по урожайности были им обозначены на основе этих материалов. В своей записке в Президиум ЦК КПСС об увеличении производства зерна за счет освоения целинных и залежных земель от 22 января 1954 г. Хрущев пишет: «В 1940 г. было заготовлено зерна 2225 млн. пудов, а в 1953 г. — лишь 1850 млн. пудов, т.е. меньше на 375 млн. пудов... В 1953 г. заготовлено зерна примерно столько же, сколько заготовлено из урожая 1948 г., а расход зерна соответственно увеличился более, чем в полтора раза. Из этих данных видно, что заготовки из урожая 1953 г. не покрывают необходимых расходов на внутренние нужды. Этот разрыв, а также расход на экспорт привели к необходимости разбронирования зерна из государственного резерва в количестве 160 млн. пудов, что является недопустимым... Из-за недостатка зерна пришлось экспорт принять на 1954 г. в количестве 190 млн. пудов (3120 тыс тонн), тогда как потребность в экспорте определялась в размере 293 млн. пудов (4800 тыс. тонн)» [14].

Целинное зерно, считал Хрущев, позволит снять часть груза с плеч колхозников в обжитых районах, не только даст прибавку зерна, собираемого в закрома, но и позволит сделать более эффективной всю структуру зернового хозяйства. «Дополнительное, целинное зерно позволит списать колхозам недоимки, ликвидирует их неуверенность в завтрашнем дне, заработает наконец-то погектарно налогообложение, труд крестьянина станет осмысленным, у них появится стимул, а значит, возрастет и производительность труда» [15; 202, 203]. «Сейчас перед страной стоит задача изыскать возможности резкого увеличения производства зерна, с тем чтобы государство имело в своих руках в ближайшие годы по заготовкам и закупкам 2500–2600 млн. пуд. зерна продовольственных, фуражных, крупчатых и зернобобовых культур». «Важным и совершенно реальным источником увеличения производства зерна является расширение в ближайшие годы посевов зерновых культур на залежных и целинных землях в Казахстане, Западной Сибири, а также частично в районах Поволжья и Северного Кавказа и проведение мероприятий по всемерному повышению урожайности во всех районах страны» [16].

В своих тезисах к выступлению на заседании Президиума ЦК КПСС при обсуждении вышеозначенной записки об освоении целинных и залежных земель в январе 1954 г. Хрущев выдвигает еще один аргумент — завышенная оценка видов на урожай и приводит в качестве примера данные на 1952 г. (планы на год — 9,2 млрд пудов, видовой урожай — 8 млрд пудов, а фактический сбор зерна, по данным годовых отчетов колхозов и совхозов, — 5,6 млрд пудов). В тезисах отмечаются плюсы в пользу освоения целины: рост оснащенности МТС тракторами и комбайнами и другими машинами, рост «замечательных кадров трактористов и комбайнеров», укрепление МТС и «пополнение за счет людей, хорошо знающих технику, партийную работу, и крепких организаторов сельскохозяйственного производства». Хрущев тут же прогнозирует экономический эффект целинной кампании: при средней урожайности в 10–11 центнеров зерновых с гектара страна дополнительно получит 800–900 млн пудов зерна, из них товарного — 500–600 млн пудов; при урожайности в 14–15 центнеров с гектара валовый сбор зерна с новых площадей может составить 1100–1200 млн пудов, из которых товарных будет 800–900 млн пудов; себестоимость зерна в среднем составит 68 рублей за 1 центнер. От реализации зерна государство получит от 17–18 млрд рублей (за 500–600 млн пудов по оптовым ценам — 150 руб. за центнер) до 26–28 млрд рублей (за 800–900 млн пудов при урожайности 15 центнеров с гектара). Капитальные затраты (строительство, стоимость машин, тракторов и оборудования) предположительно на освоение целины потребуют всего 5,5–6 млрд рублей. [14]

Возражал против кампанийского характера целинного проекта, против непродуманных масштабов распахивания первый партийный руководитель республики Ж. Шаяхметов, хорошо знавший специфику агрокультуры КССР. Его возражения против планов союзного руководителя были не единичными. 9 сентября 1953 г. (на второй день после сентябрьского Пленума ЦК КПСС) все первые секретари обкомов вместе с руководителями республики были приняты в ЦК КПСС, Шаяхметов на этой встрече возражает против таких масштабов целины. В конце 1953 г. в Москве состоялось закрытое заседание ЦК КПСС с участием группы первых секретарей обкомов партии и членов бюро ЦК Компартии Казахстана. На нем был поставлен вопрос о необходимости улучшить использование наряду с другими и такого резерва, как целинные и залежные земли. Ж.Шаяхметов по-прежнему отстаивал свою позицию: «Земли в Казахстане хватает. Ежегодно мы планомерно, с учетом возможностей и потребностей, осваиваем значительные площади для возделывания зерна. Эта работа обязательно будет продолжаться. Но мы решительно против того, чтобы за 2–3 года перевернуть 20–25 миллионов гектаров! Нельзя не брать во внимание, что в Казахстане растет число скота, которому нужны хорошие пастбища, сенокосные угодья для заготовки нескольких миллионов тонн сена» [17]. Все эти аргументы Хрущев назвал политически незрелыми и отсталыми.

В современных публикациях в Казахстане дается достаточно объективная оценка причин противостояния Хрущева и Шаяхметова [18]. Правильность и объективность решения противостоять Хрущеву и нежелание первого партийного руководителя республики допускать столь масштабную распахивку казахстанских земель подтвердились в ходе реализации целинной эпопеи. Но особенно острая дискуссия разгорелась, когда против проекта стали активно возражать члены казахстанской делегации (в их числе Ж. Шаяхметов), сославшиеся на отсутствие в районах будущего освоения целины транспортной, производственной инфраструктуры, нехватку жилья, утверждавшие, что массовая распахивка целины не учитывает интересы казахского населения, традиционно использовавшего эти земли как пастбища для скота. Делегация из КССР представила свою карту почв, из которой следовало, что пахать можно было далеко не все из намеченных земель.

Ж. Шаяхметов не был противником целины в целом, понимал необходимость развития зернового производства в республике, он выступал против экстенсивных методов в освоении залежных земель, против форсирования сроков и хищнических по отношению к казахстанской земле методов. Продумывая осуществление предстоящего проекта, руководство республики начинает подготовку к освоению целины, но еще не представляя себе предстоящие масштабы освоения. Текст телеграммы Шаяхметова на имя Хрущева 12 декабря 1953 г. о подготовке механизаторских кадров для Казахстана на 1954 г. демонстрирует начальный этап подготовительной работы: «МТС республики для полного использования имеющихся тракторов, комбайнов в 1954 г. с учетом завоза предусмотренных мероприятий недостает 28500 трактористов и 7000 механиков-комбайнеров... Чтобы своевременно подготовить требуемое количество механизаторских кадров, ЦК Казахстана просит вас: обязать Минсельхозсоюза утвердить республике на 1954 г. план подготовки трактористов...» [19].

Как отмечалось, все аргументы первого руководителя республики Хрущев считал субъективными, содержащими «узкие, местнические интересы». Подтверждают этот факт и воспоминания Хрущева: «Из беседы с ним (Шаяхметовым. – З.С., Ж.А.) я понял, что он со мной говорил неискренне, занижал возможности и доказывал, что земель, пригодных к распашке, там очень мало или совсем нет. Какие-то площади распашать можно, но не столько, сколько стране нужно... Я больше полагался на мнение секретарей обкомов и критически отнесся к его мнению... А секретари обкомов именно эту возможность мне подсказали. Я больше полагался на них, они детальнее знали состояние дел и убедили меня в том, что такая возможность в Казахстане имеется. Конечно, существовал определенный риск. Но риск этот оправдан, потери от засухи компенсируются зерном, получаемым в благоприятные годы... У меня сложилось впечатление, что здесь имели место политические, точнее, националистические мотивы. Шаяхметов понимал, что если увеличить площади под зерно, то обрабатывать их казахи сами не смогут. В Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал, и никто этого не скрывал, что придется звать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель. Мы-то были уверены, что их найдется нужное количество, а он этого вовсе не хотел, ибо тогда еще сильнее снизится удельный вес коренного населения в Казахстане» [20]. С.Н. Хрущев в своих воспоминаниях об отце также пишет о недоверии первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева к словам Шаяхметова, считая, что его мнение было продиктовано нежеланием расширения агромиграции в республику и страхом потерять кресло партийного руководителя республики [20; 204]. Столкнувшись с непринятием программы освоения целинных земель со стороны Шаяхметова и членов бюро ЦК КП Казахстана, а затем и с открытым противостоянием, он «убирает» оппонентов в республике и начинает масштабную целинную эпопею в Казахстане.

Еще на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС Хрущев подверг критике руководство Казахстана за недостаточную реализацию сельскохозяйственного потенциала. В этой связи руководителям партийной организации и правительства республики было предложено (естественно, в директивном порядке) разработать конкретный план подъема целинных земель. В конце ноября 1953 г. такой план был представлен в ЦК КПСС. В соответствии с ним предполагалось, что в течение 1954–1957 гг. посевные площади в Казахстане будут увеличены на 2,5 млн гектаров [21; 498].

Понятно, что такие «робкие наметки» не устраивали «Дом на Старой площади» (здание ЦК партии), ибо там уже созревал план гораздо более крупномасштабных распахов «целинной нови», и не за четыре, а буквально за один-два года. Поэтому вскоре Москва (соблюдая, впрочем, политес в виде пленумов и прочее) снимает с должности первого секретаря Казахстанской партийной организации Ж. Шаяхметова и второго секретаря — И.И. Афонова, а затем и председателя Совета Министров Н. Ундасынова. Новым главой правительства назначается Д. Кунаев. Что касается «укрепления партийной организации республики», то Центр направляет сюда одного из организаторов партизанского движения в годы войны, а тогда министра культуры СССР П. Пономаренко (первым секретарем республиканской партийной организации) и первого заместителя начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота Л.И. Брежнева (вторым секретарем ЦК КПК).

Трудно сказать, сколько раз бывал Л. Брежнев на западе, востоке или юге республики, но с целины (согласно написанным не им мемуарам) он буквально не «вылезал», чем и заслужил в дальнейшем расположение Н. Хрущева (после XX съезда КПСС в 1956 г. стал секретарем ЦК КПСС).

25 января 1954 г. Президиум ЦК КПСС принимает постановление «Об обеспечении зерном страны и подъеме целинных земель», по нему вопрос выносится на предстоящий пленум. Февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС 1954 г. принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»; по нему из 13 млн гектар общесоюзного задания по освоению целины Казахстану дана директива — распахать 6,3 млн гектаров [22; 373].

В РГАСПИ в фонде П.К. Пономаренко имеется любопытная статья из газеты «Нью-Йорк таймс» за 2 ноября 1954 г. В данной публикации американские журналисты прогнозируют экологическую и демографическую ситуацию в Казахстане. «Лица, занимающие высокие посты в кремлевской иерархии, любят мыслить большими категориями огромных проектов, включающих сотни тысяч или миллионы людей. Время от времени неудачи прерывают эти возвышенные мечтания, и резкие обвинения в гигантомании наполняют московскую атмосферу... Последний из этих претенциозных планов был разъяснен П.К. Пономаренко. Он указывает, что сейчас эта центральноазиатская республика (имеется в виду Казахстан) должна утроить свои посевные площади и производство зерна к концу 1956 г. В течение 1954–1955 гг. около 50 миллионов акров целинных и залежных земель, которые сейчас пустуют или используются в качестве пастбища, должны быть вспаханы и засеяны. В течение этого процесса, по меньшей мере, несколько сот тысяч людей будут, очевидно, перемещены из Европейской России в Казахстан, продолжая, таким образом, вторжение русских и украинцев на земли, некогда принадлежавшие туземному казахскому народу. В основном эти земли являются засушливыми и полусушливыми, где посевам каждый год угрожает страшная опасность засухи. Мы здесь, в США, по собственному опыту знаем высокую стоимость вспашки сухих земель под пшеницу, когда наблюдаются пылевые бури в результате повторения периодов без дождей. Если не будет дождей в 1955–1956 гг., то господин Пономаренко может оказаться в положении разоблаченного «диверсанта» и кампания против гигантомании начнется снова» [23]. Кстати, прогнозы американцев оказались точными и по последствиям целины, и по кадровым вопросам: П.К. Пономаренко, назначенный Первым секретарем ЦК КП Казахстана и пообещавший выполнить хрущевское задание по целине, в августе 1955 г. (после засухи и неурожая) снят с должности и отправлен чрезвычайным и полномочным послом СССР в Польскую Народную Республику.

Возражения по целинному проекту не закончились с отстранением казахстанского партийного руководства. На февральско-мартовском Пленуме 1954 г. Хрущев неожиданно столкнулся с острой критикой в адрес целинной программы со стороны ученых, специализирующихся по проблемам засушливого земледелия. В частности, директор почвенно-агрономической станции М.Г. Чижевский в выступлении предостерег его от возможности превращения целинных земель Сибири и Казахстана «в сплошные заросли сорняков, с которыми очень трудно бороться». Он рекомендовал с самого начала освоения целины внедрять паровые севообороты, многолетние травы, сочетать зерновое производство с животноводством, предлагая неглубокое вспахивание. Руководитель Шадринской опытной станции в колхозе «Заветы Ленина» Курганской области, «народный академик» Т.С. Мальцев (автор безотвальной системы обработки почвы и повышения плодородия почвы с помощью однолетних растений) предложил «обрабатывать почву хотя и мелко, но культурно, что позволит получать урожаи до 20 ц»; говорил о большом значении паров; поставил вопрос об изготовлении орудий пахоты применительно к целине. Однако к рекомендациям ни компетентных ученых, ни опытных практиков Хрущев не прислушался. Новое же руководство ЦК КП СССР в лице П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнева (первый и второй секретари) активно поддержало и Хрущева, и масштабы целинной распашки.

Н. Хрущев говорил: «Мы должны выиграть время. Нам надо не только получить как можно больше хлеба, но и затратить на получение этого хлеба как можно меньше времени. Для того чтобы получить нужное количество хлеба в центральных областях страны, потребуется не менее 10 лет... А в Казахстане, в Сибири мы получим самый дешевый хлеб... Если же пойдем по линии огромных капиталовложений в сельское хозяйство нечерноземных областей, мы не справимся с задачей, не выполним данного нами обещания — резко поднять наше сельское хозяйство» [24; 331, 334].

Будет правомерным сказать, что в известном смысле Целина сыграла роль фактора, сработавшего на ревитализацию (оживление) входившей в состояние затяжного кризиса системы, оттянув ее агонию еще на долгие годы. Хотя и несколько умозрительно, но все же можно предположить, что если бы не «целинный маневр», то возможности для сохранения системы в неизменном, «замороженном» состоянии оказались бы еще более суженными.

Отвергая данный тезис и пытаясь найти ему контрдоводы, обычно утверждают, что Хрущев просто не имел другого выхода, ибо подъем зернового производства в традиционно сложившемся земледельческом ареале (Украина, юг и черноземье России и т.д.) был в то время невозможным в силу недостаточного развития химической отрасли, т.е. в данном случае — промышленности сельхозудобрений.

Соглашаясь с констатацией последнего обстоятельства, следует, тем не менее, подчеркнуть, что даже за пределами рыночно-приватизационной возможности, т.е. в рамках привычного экстенсивного варианта, имелись достаточно приемлемые, во всяком случае, альтернативные по отношению к «целинной идее» способы решения проблемы. Их просто не могло не быть, если учесть хотя бы ту данность, что из почти 300 млн га черноземных и черноземовидных почв мира 190 млн га, или две трети, находились на территории СССР. Это ли не гигантский резерв! Кроме того, нужно вспомнить, что в 1954–1958 гг. средняя урожайность зерновых составила на целинных землях республики всего 7,0 ц/га, а в 1962–1965 гг. и того меньше — 6,1 ц/га. Как справедливо утверждают экономисты, при таком положении прирост урожайности в стране даже на один центнер по своему результату был бы фактически равносителен освоению всей целины [25; 114]. Добавим, что для поднятия урожайности на один центнер вовсе не требовалось «большой химии», достаточно было придерживаться технологической дисциплины или, допустим, провести на полях снегозадержание.

После принятия февральско-мартовским Пленумом ЦК КПСС (1954 г.) директивных резолюций по освоению целины именно она становится наиболее зримым символом восприятия образа Казахстана, предметом особой заботы республики и страны в целом. Что касается Н. Хрущева, то для него она стала подлинной «*idée fixe*», важнейшим критерием подбора и расстановки руководящих кадров в республике.

Сам же лидер страны шесть раз приезжал в Казахстан, неизменно посещая при этом Целину. Столь нехарактерно частое для руководителей страны посещение Казахстана, тем не менее, не помешало Н. Хрущеву в один из его прилетов в Алма-Ату салютовать с трапа самолета здравницу «узбекскому народу». (Впрочем, на митинге в Ташкенте он точно так же перепутал узбеков с таджиками; обращаясь к 300-м тысячам собравшихся на площади людей, он взбудрил их следующим приветствием: «Вы, таджики, молодцы, хорошо работаете, а вот у ваших соседей узбеков дела идут неважно»). В другой раз, наблюдая бескрайнюю казахстанскую степь из окна своего вагона, он, подобно школьнику на уроках географии, удивлялся и вопрошал, что же за большой народ жил здесь в прошлом, если «занял такую громадную территорию» [11; 163–168].

К 1960 г. по инициативе Н. Хрущева пять северных областей республики были объединены в Целинный край (как он объяснял: «Пора переходить на краевое управление народным хозяйством..., а в перспективе исчезнут границы между республиками») [26; 134] со «столицей» в городе Акмолинске, переименованном им же в Целиноград. Здесь, по-видимому, уместно вспомнить связанный с этим эпизод. В одном из фрагментов своей, как всегда пространной речи на совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края (Акмолинск, 14 марта 1961 г.) Н. Хрущев высказал следующее соображение: «Мне рассказали, что название города Акмолинска в переводе с казахского на русский язык означает «белая могила». Для трудящихся города, который является центром Целинного края, это название мало подходяще. Пусть подумают правительство и ЦК Компартии Казахстана, может быть, целесообразно переименовать Акмолинск, например, в Целиноград» [27; 431]. Как бы советуясь с аудиторией, Н. Хрущев при этом немало лукавил, ибо хорошо знал, что «соображения» лидера партии почти тут же оформляются в нужную директиву. Именно так вскоре и случилось — Акмолинск стал Целиноградом. И в этом не было чего-то особенного и «волюнтаристского», поскольку Хрущев следовал здесь традициям советской исторической топонимики, которая была неистово одержима стремлением персонифицировать названия городов, районов, сел и улиц «революционными» семантико-символическими смыслами. Но вместе с тем, пускай и чисто умозрительно, но допустимо предположить, что, памятуя реплику в его адрес В. Молотова («ты сломаешь себе шею на целине»), Хрущев мог неосознанно усматривать в акте переименования «Белой могилы» в «Целиноград» некий мифический оберег от «дурного глаза».

Итак, решениями февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС (1954 г.) был проложен курс на освоение целинных и залежных земель на Востоке страны. Степные и сухостепные массивы Евразии становились одним из первостепенных полюсов экстенсивного роста советского народного хозяйства, к которому стягивались огромнейшие материальные и людские ресурсы. Мобилизация их осуществлялась в стремительных темпах.

Безусловно, целинные мероприятия носили чрезвычайный характер, исключавший всякую возможность подготовительного этапа, данный крупномасштабный проект не был проработан ни экономически, ни технологически, не учитывал экологические факторы Казахской ССР. Волонтаристский подход при проведении данных реформ обрекал их на множество тактических ошибок, приводя к серьезным стратегическим просчетам. Но в условиях экстенсивной методологии советской модели экономики это был самый прогнозируемый и вероятный подход к решению зерновой проблемы в СССР. Можно лишь предполагать (обращаясь к методам альтернативной истории), каков мог быть экономический эффект от данной кампании, если бы Хрущев последовал рекомендациям ученых, аграрников, учел бы мнения некоторых союзных и казахстанских республиканских руководителей и т.д. Однако экстенсивный курс на освоение целины был определен, и процесс реализации пошел полным ходом.

Государство мобилизовало на осуществление этого проекта огромные финансовые, технические и трудовые ресурсы. Вложения в аграрный сектор республики увеличились с 970,3 млн рублей в 1953 г. до 4572,2 млн в 1955 г. (рост в 4,7 раза), составив почти половину бюджета; что являлось исключительным фактом, так как в 1940-х – начале 1950-х гг. из расходной части бюджета на аграрный сектор шло не более 15–22 % [28; 351]. Даже в условиях функционирования экстенсивной модели советской экономики такие вложения действительно носили беспрецедентный характер, и не учитывать данные обстоятельства как фактор, приведший не только к количественной, но и к значительной качественной динамике казахстанской экономики, считаем неоправданным. Кроме того, за целинный период была значительно укреплена материально-техническая база сельского хозяйства путем увеличения капитальных вложений, расширения парка тракторов, комбайнов и других машин. С 1954 по 1958 гг. промышленность поставила сельскому хозяйству 664 тыс. различных тракторов (или более 1 млн тракторов в переводе на 15-сильные), 361 тыс. зерновых комбайнов и другие сельскохозяйственные машины.

За 1954–1955 гг. было освоено 17,9 млн гектаров (вместо 15,3 млн по плану): наибольшее количество земель в Кустанайской области — 3,8, Акмолинской — 3,3, Кокчетавской — 2,3, Павлодарской — 2,2 млн га [29]. Республика сдала в 1954 г. государству 238,6 млн пудов хлеба, что на 98 млн больше, чем в 1953 г. Посевные площади зерновых культур выросли до 16,4 млн гектаров (8,4 млн га в 1954 г.). В целом за целинную эпопею, пишет А.А. Никонов, было вовлечено в оборот около 45 млн га, из них в Казахстане 25 млн га и около 20 млн га в России. Только по основным районам целинных и залежных земель (Казахстан, Сибирь, Урал, Поволжье) производство зерна выросло в 2,2 раза, а заготовки увеличились втрое [30; 308].

В 1955 г. в Казахстане разразилась сильная засуха, подобно которой не отмечалось десятки лет. Урожайность зерновых была крайне низкой — 2,9 центнера с гектара [31]. В целинных совхозах урожайность составила 1,5–2 центнера с гектара [32]. И хотя в целом посевные площади зерновых культур в 1955 г. увеличились почти в 2 раза (с 8372,5 тыс. гектаров до 16217,6 тыс.) валовой сбор зерна уменьшился на 40 % (с 76318 до 47187 тыс. центнеров). Засуха 1955 г. обнажила проблемы не только целинной кампании (недостаточную подготовленность, отсутствие научных расчетов, прогнозов, слабую материально-техническую базу и т.д.), но и в целом проблемы экстенсивной модели аграрного развития СССР.

И все же реализованная на практике экстенсивная модель решения проблемы дефицита зерна позволила почти на десять лет снять остроту в этом направлении. Самым благоприятным для хлеборобов республики в исследуемый период стал 1956 г.: урожайность зерна поднялась до 10,6 центнера с гектара, хотя все равно не достигла запланированной для целины планки в 14–15 центнеров с гектара (такой урожайный год за 25 лет, с 1940 по 1965 гг., был единственным). Валовой сбор зерна в 1956 г. в 4,4 раза превысил валовой сбор 1953 г. В 1957–1960-е гг. существенной динамики ни в количестве посевных площадей, ни в валовом сборе, ни в государственных закупках не отслеживалось. Таким образом, посевные площади, отведенные под зерновые культуры, возросли с 1953 по 1964 гг. в 3,5 раза (с 7,01 млн гектаров до 24,4 млн гектаров), а среднегодовой валовой сбор зерна за период 1961–1965 гг. вырос по сравнению со среднегодовым 1951–1955 гг. в 3 раза.

В ходе освоения целины Северный Казахстан превратился в крупную зерновую базу. Если в 1953 г. здесь засеивалось 6,7 млн га пшеницы (3,4 % всех пахотных земель СССР), то к 1964 г. площадь пашни возросла в 3,3 раза, составив 21,9 млн гектаров (9,9 % пашни СССР). За это десятилетие площадь посевов всех зерновых культур увеличилась в регионе в 4,1 раза, а посевы основной товарной культуры — яровой пшеницы — возросли в 4,8 раза. Государственные закупки увеличились более

чем в 5,5 раза и достигли в среднем за 1954–1958 гг. 5,73 млн тонн. По объемам заготовок зерна Северный Казахстан уступал в эти годы только Украине и Западной Сибири [28; 72, 73, 106, 107].

В Северном Казахстане, где предполагались самые обширные распахки (41,5 % всех освоенных целинных земель по СССР и почти 67 % по Казахстану), тракторный парк возрос с 1954 по 1960 гг. в 6,8 раза, комбайнов — в 6,4, грузовых автомобилей — в 11 раз (4). Вследствие этого резко возросла энерговооруженность труда. В расчете на одного сельхозпроизводителя она превышала среднесоюзный показатель в 8,4 раза [33; 237–241].

Итак, экстенсивное «подхлестывание» роста сельскохозяйственного производства потребовало вливаний в его сферу огромных инвестиционных потоков. По сравнению с 1946–1952 гг. объемы государственных капиталовложений в сельское хозяйство Казахстана увеличились в период 1953–1965 гг. в 19 с лишним раз (с 308,5 млн руб. до 5,9 млрд руб.). Только за первые семь лет освоения целины капиталонасыщенность посевных площадей в расчете на 1 га возросла в 2,5 раза [33; 579, 34; 226].

Устоявшиеся (почти что) милитарные традиции и огромные организационно-мобилизационные навыки советской административно-командной системы позволили уже в начальный период «целинной эпопеи» провести беспрецедентное со времен Великой Отечественной войны массовое перемещение людских ресурсов. В 1954–1956 гг. в Казахстан прибыло 640 тыс. первоцелинников, что составило более 45 % всей совокупности сельского населения, проживавшего в целинных районах. С 1954 по 1960 гг. численность населения здесь увеличилась на 1185 тыс. человек. И главным фактором столь быстрого роста явилась именно «целинная» трудовая миграция. Если по всему Казахстану количество народонаселения возросло с 1954 по 1958 г. на 24 %, то в целинных областях — на 40–50 % [35; 414].

В КССР в 1954–1955 гг. обосновались 20 тыс. семей различных национальностей, насчитывавших 40 тыс. трудоспособных. Столь значительного роста сельского населения за счет миграционных процессов не было ни в каком другом регионе СССР. За счет миграции резко возросла численность населения Северного Казахстана: например, городское население Кокчетавской области выросло на 49 %, сельское — на 32 %, Кустанайской — на 91 и 62 %, Павлодарской — на 105 и 72 %, Северо-Казахстанской — на 26 и 11 %, Целиноградской — на 97 и 34 % соответственно. За счет молодых мигрантов увеличилась доля 20–30-летних трудовых ресурсов [36; 14]. Всего на освоение целинных и залежных земель в Казахстан в 1954–1962 гг. прибыло около 2 млн человек, преимущественно из европейской части СССР [37; 58]. Масштабные миграции в период освоения целинных земель стали главной причиной резкого повышения доли и абсолютной численности европейского населения в Северном регионе Казахстана и в целом по Республике. Полиэтнический характер состава населения приблизился к своим пиковым значениям.

Одним из социально-демографических последствий целины стало увеличение доли смешанных браков в Казахстане, особенно в его северных областях. По данным Всесоюзных переписей населения, Казахская ССР была одной из республик с наибольшей долей смешанных семей, уступая только Латвии и Украине. В 1959 г. однонациональные браки составляли 85,6 % в КССР, межнациональные — 14,4 %. С 1959 по 1979 гг. доля этнически смешанных семей в Казахской ССР возросла с 14,4 % до 21,5 %, при этом в сельской местности межэтнические браки составили 18,2 %, что являлось наибольшей долей среди всех республик СССР (в Латвийской ССР — с 15,8 % до 24,2 %, в Украинской ССР — с 15,0 % до 21,9 %) [38]. В Казахстане доля межэтнических браков увеличивалась в связи с ростом численности представителей различных этносов, особенно в целинный период. По мнению демографов, этносы и их культуры сближались и на уровне сельского населения, где в основном преобладала титульная нация. В городской среде межэтнические браки получили широкую распространенность в силу значительной численности представителей нетитульных этнических групп, вступающих в брак между собой.

Таким образом, для решения проблемы продовольственного обеспечения страны были задействованы все традиционные для советской экстенсивной экономики ресурсы: от стратегии бесконечно расширяющегося природопользования до наращивания и «густой» концентрации в районах ее реализации огромных масс труда. Однако, как известно, мобилизация экстенсивного потенциала на каком-то своем этапе способна вызвать, если не стабильный, то, хотя бы, краткосрочный рост динамики экономики или ее отдельных отраслей. В этой связи следует признать, что и Целина дала тогда весьма сильный народнохозяйственный эффект. Что касается Казахстана, то он превратился в мощную продовольственную базу страны (третью после России и Украины).

С весны 1954 г. (когда в девственной степи появились палатки и вагончики первопроходцев, а сама она впервые познала фронтальные «тракторные атаки») по 1960 г. в районах целинных и залежных земель СССР было распахано 41 млн га их площадей. Из них в Северном Казахстане было освоено 17 млн га, а по республике в целом — 25,5 млн га, что делало ее флагманом всесоюзной «целинной эпопеи».

С 1956 по 1960 гг. среднегодовое производство зерна по сравнению с «доцелинным» периодом 1949–1953 гг. возросло в Казахстане в 4,8 раза (с 3856 тыс. т до 18400 тыс. т), а в Целинном крае — в 6,13 раза (с 2080 тыс. т до 12768 тыс.). За это же время, соответственно,кратно увеличились государственные закупки казахстанского зерна: в среднем за год в 6,3 раза [27; 406]. Озвучив эти цифры на уже упомянутом совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края, Н. Хрущев в свойственной ему подчас манере пошутил, что, дескать, теперь «хватит и на бишбармак (так в тексте. — З.С., Ж.А.), и на галушки, и на блины» [27; 406].

В своей речи здесь же лидер страны, видимо, припомнив упрек, брошенный ему в свое время К. Ворошиловым («Никита,... ты хочешь государственные деньги еще больше закопать в песках Казахстана!»), остановился на вопросе об эффективности целинных капиталовложений (к этому его подвигла, прежде всего, полемика по поводу затратности целины, которая имела место накануне ее освоения). В этой связи он напомнил, что в 1954–1960 гг. на освоение целинных и залежных земель государство направило дополнительно, сверх обычных (т.е. еще ранее запланированных) капиталовложений, 44 млрд руб. (в деньгах 1961 г. — 4 400 млн руб.). Отдача только за счет прироста товарной продукции хлеба в целинных районах составила 76 млрд руб. (7 600 млн руб.). «Это значит, — сказал далее Н. Хрущев, — что за счет одного товарного зерна государство не только покрыло все вложения в сельское хозяйство целинных районов, но сверх того получило чистого дохода свыше 32 млрд руб. (3 200 млн руб. в деньгах 1961 г.) [27; 407].

Подытоживая всю эту разительную и, действительно, впечатляющую статистику, Н. Хрущев не преминул воспользоваться случаем, чтобы еще раз публично уничижительно «утереть нос» внутрипартийным критикам его «целинного проекта» (хотя он с напускной скромностью всегда заявлял, что Целина — это продукт «предвидения партии», все понимали, что главным и решающим инициатором «целинной эпопеи» был новый кормчий государства). С очевидной гордыней триумфатора «наш дорогой Никита Сергеевич» (именно так к этому времени его начинали ангажировать в народе идеологи нового витка «культы личности») под «бурные аплодисменты» резюмировал: «Выдающиеся успехи в освоении целины наглядно показывают, какими жалкими банкротами предстают перед лицом партии и народа отщепенцы из антипартийной группы, которые рьяно выступали против курса Центрального Комитета на освоение целины» [27; 407]. (Здесь имелись в виду Молотов, Маленков, Каганович и др., которые решением июньского Пленума ЦК КПСС (1957 г.) за «антипартийную фракционную деятельность» были удалены со всех значимых постов в партийно-государственном руководстве, а впоследствии исключены из партии.)

Нельзя не отметить, что целина сообщила серьезные импульсы и развитию животноводческой отрасли Казахстана. Уже в первое десятилетие ее освоения поголовье общественного стада животных в республике существенно увеличилось: крупного рогатого скота — в 2 раза, овец — в 1,3 и свиней — в 3 раза. Симметрично возросли в Казахстане государственные закупки животноводческой продукции: по мясу — в 3,3 раза и молоку — в 3 раза. В 7 раз увеличились государственные заготовки яиц, что объяснялось неплохим развитием птицеводства, получившего с бурным подъемом зернового производства в республике хорошую кормовую базу [39; 4].

Озабоченный лозунгом «Догнать Америку по производству молока, масла и мяса!» и считавший себя «знатоком сельского хозяйства», Н. Хрущев учил передовиков и практиков сельского хозяйства, как в целинных условиях увеличить рост животноводческой продукции и оптимально структурировать производство мяса. Здесь, по его мнению, на говядину должно приходиться 35 % всей мясной продукции, на свинину — 30, баранину — 20, птицу — 12, на конское мясо — 3 % [27; 423]. По поводу последней цифры из зала прозвучала реплика: «Конского мяса мало!». Хрущев отшутился от нее весьма оригинальным для простодушной аудитории образом. «У нас в стране много национальностей, которые потребляют конское мясо... Когда я бываю в Казахстане или Узбекистане, я всегда прошу своих друзей, чтобы они меня, как гостя, угостили колбасой «дружба». Я вам уже объяснял, что это за колбаса «дружба», — это конская колбаса со свиным салом». Далее уже более серьезно, но все так же легковесно и директивно, якобы ни к чему не обязывающе, он говорил о том, что представители некоторых национальностей «любят конское мясо и, наоборот, мало потребляют

свинины. Так почему же мы не должны выращивать конское мясо? Вот я и обращаюсь — производите конское мясо» [27; 424].

Но шутки шутками, однако производство конины в республике продолжало сокращаться, впрочем, как и само конское поголовье. Его просто лишили степных кормовых просторов, ведь распахки земель доходили чуть ли не до окон домов центральных усадеб, а потому лошадей выпасали в оврагах да на узких межах вдоль целинных проселочных дорог. К тому же, Н. Хрущев делал ставку на «железного коня», а не на сивого мерина, «который даром проедает колхозные корма». С октября 1953 г. по октябрь 1957 г. численность лошадей в колхозах и совхозах Казахстана уменьшилась на 733 тыс. голов, или почти в 2 раза, а кобылье стадо — на 247 тыс. голов, или в 2,4 раза [40].

Если рассматривать целину в призме современных, радикально изменившихся реалий, то ее роль для республики несомненна. Во многом благодаря целине Казахстан стал входить в так называемый зерновой пояс Земли — довольно узкую полосу в Северной Америке (США и Канада), в Европе (Франция, Украина, юг России), в Южном полушарии (Аргентина и Австралия). Именно эти страны контролируют конъюнктуру мирового рынка зерна.

Вследствие включения в хозяйственный оборот целинных распахов в Казахстане стало производиться на душу населения от 1 тысячи, а нередко и гораздо больше, килограммов зерна. Между тем, согласно мировой практике, для стабильно гарантированного решения продовольственной проблемы и получения возможностей выхода на мировые рынки зерна достаточно иметь показатель в пределах 1 тыс. кг. Таких стран насчитывается в мире немного: Канада, Австралия, США, Франция, Венгрия и др.

Следует также иметь в виду, что 90-95 % мировых посевных площадей, отводимых под хлебные злаки, занимают мягкие пшеницы, тогда как целинный регион Казахстана производит преимущественно твердую пшеницу, ее сильные сорта, отличающиеся высоким содержанием белка. В целинных регионах республики находится один из крупнейших мировых массивов производства твердой пшеницы. По производству наиболее ценной твердой пшеницы — дурума Казахстан входит в десятку мировых лидеров, а в урожайные годы — в пятерку. (Для сравнения: из сотни килограммов муки, произведенной из зерна с низкими технологическими качествами, выпекают 91 кг хлеба, а из такого же количества муки из сильного зерна — 115 кг; 20-30 % сильной пшеницы, добавленной к слабому зерну, уже позволяют получить качественный хлеб.) Следовательно, в результате освоения целинных земель республика получала все предпосылки не только для полного удовлетворения собственных потребностей, но и для выхода на мировой рынок в качестве страны — экспортера высокотехнологичного зерна (по экспорту зерна республика входит в первую десятку стран, а муки — в тройку).

Учитывая, что продовольственные потребности мирового населения из года в год только нарастают, можно с абсолютной уверенностью прогнозировать (что и делают эксперты) синхронную актуализацию связанных с этим проблем. Уже сегодня из всех составляющих национальной безопасности на авангардную роль выходит «продовольственный» аспект. Причем, наряду с ракурсами внутриполитического характера, он обнаруживает также свои геоэкономические и геополитические проекции (еще в 50-х годах XX в. тогдашний президент США Дуайт Эйзенхауэр предрекал, что в будущем все будет определять не ракетно-атомное вооружение, а обладание продовольственными ресурсами; Северная Корея гордится наличием грозного военного арсенала, но население ее время от времени познает голод или нормированное снабжение продуктами питания — ситуация, кстати, знакомая и из советской истории).

Потенциал целины сегодня и, конечно, в будущем трудно переоценить. Но в советское время ее возможности во многом нивелировались нерыночным и, следовательно, экстенсивным характером экономики. Более того, «целинная эпопея» сопровождалась рядом весьма серьезных проблем. Поэтому, чтобы более или менее разносторонне оценить социально-экономическую эффективность грандиозного советского «целинного проекта», важно рассмотреть и такие его аспекты, как экологическая рациональность, степень экономической оправданности, а также социальная составляющая.

Начнем с первого момента. Как уже говорилось выше, по природно-климатической классификации территория Северного Казахстана (основной целинный ареал) относится к степной зоне, где среднегодовое количество осадков — 250–400 мм, коэффициент увлажнения — 0,45–0,70 (коэффициент ниже 1 считается недостаточным увлажнением). Вероятность полусухих и засушливых лет 55–70 %, а сухих — 10–15 %. Сельскохозяйственная продуктивность климата низкая и варьирует от 37 до 48 баллов (за 100 баллов принималась средняя по СССР урожайность зерновых культур за последние по отношению к тому или иному периоду 10 лет: для колхозов и совхозов она выводилась

на уровне 10 ц/га). Ее лимитированность обуславливается резким недостатком увлажнения, высокой континентальностью климата, сильным распространением процессов ветровой эрозии, значительным процентом в пашне солонцеватых почв и солонцов.

Территория, простиравшаяся от Кустанайской области на западе до районов Семипалатинска на востоке, входила в сухостепную зону Казахстанского региона. Она характеризуется резко континентальным климатом с явно недостаточной увлажненностью (количество осадков — 225–350 мм, коэффициент увлажнения — 0,33–0,45). Вероятность засушливых и сухих лет 70–95 %. Обширные пространства подвержены ветровой эрозии почв. Сельскохозяйственная продуктивность ограничивается резким недостатком влаги, частыми засухами и суховеями, а потому варьируется лишь в пределах от 26 до 38 баллов [41; 47, 52, 54, 42; 47].

Таким образом, Северный Казахстан представлял для развития земледелия достаточно сложный регион как в отношении характерного для него климата, так и структуры почв: здесь мощно присутствуют признаки аридности и семиаридности. Естественно, что все это принималось во внимание учеными и специалистами, землеустроителями, которые готовили фронт для «целинного наступления». Непосредственно в Степи работали 69 комплексных экспедиций (почти 1 тыс. чел.). Почвенные обследования были проведены на площади в 100 млн га земель. Понятно, что беспрецедентно гигантский объем исследовательских работ и необходимость закончить их почти в авральные сжатые сроки приводили, как это бывает в подобных случаях, к серьезным погрешностям. Под целинную распашку попали значительные массивы непахотнопригодных земель, почвы с легким механическим составом (песчаные и субпесчаные), солонцы и полусолонцы: из 25 млн га распаханых земель 8 млн пришлось на солонцовые и песчаные почвы.

В результате уже в 1957–1958 гг. начались пыльные бури, т. е. выдувание (дефляция) почв с легким механическим составом. Например, в Павлодарской области уже на третий год освоения целины совхозы потеряли половину зерновых площадей [43; 17]. С начала 1960-х гг. водно-ветряной эрозией оказались охвачены и огромные площади земель с тяжелыми почвами. К этому времени в Северном Казахстане было подвержено дефляции более 9 млн га почв, что равнялось тогда примерно всей сельскохозяйственной площади такой страны, как Франция. Образно говоря, почвенный горизонт выдувался из хозяйственного оборота в оборот атмосферы (старожилы-целинники вспоминали о «черноватом снеге» и «странном дожде», после которого промокшие соскабливали с себя грязь, благо, люди образованные, хотя и недоумевали, но не приняли это за Армагеддон). Тогда, вспоминает А.А. Никонов, «шведские газеты писали, что на тротуарах Стокгольма лежит слой русского чернозема» [30; 309]. Не исключено, что значительная часть этой черноземной пыли была с казахстанских земель.

Правда, в дальнейшем были разработаны почвозащитные системы земледелия, в частности, безотвальная обработка почв (отвальный плуг был заменен на плоскорезный, что позволяло сохранить стерню и другие органические остатки), посев стерневыми сеялками, зерновые севообороты и т.д. Однако, как отмечают специалисты-экологи, любые мероприятия в современных их формах смягчают негативные явления, но не обеспечивают необходимой защиты окружающей среды. Следовательно, даже щадящие системы обработки почв не решают проблемы, а что касается основы степного целинного земледелия — паров, то, как известно, чистый пар наиболее подвержен ветровой и, особенно, водной эрозии и, следовательно, является сильным источником потерь почвенного плодородия.

Во многом почвозатратный характер земледелия приводил к тому, что Советский Союз терял больший объем верхнего слоя почв, чем любая другая страна. Подробная информация о масштабах эрозии в стране отсутствовала (и это понятно, ведь экологическая наука, проповедовавшая бережное отношение человека к окружающей среде, долгие годы не могла быть любима в СССР, экстенсивная экономика которого была ориентирована на ее беспощадную и безудержную эксплуатацию).

Тем не менее на этот счет имеются некоторые сведения. Так, например, по самым осторожным оценкам Института всемирного наблюдения Лестера Брауна (США), потери верхнего слоя почвы на пахотных землях бывшего СССР составляли почти 2,3 млрд т в год (данные на 1985 г.) [44; 303]. Понятно, что значительная их часть приходилась на целинные районы Казахстана. В Северном Казахстане первоначальные исходные запасы гумуса в черноземах и каштановых почвах составляли 4,3 млрд т., после освоения целины из них под влиянием процессов эрозии были безвозвратно утрачены 1,2 млрд т [45; 97].

Гумусный слой разрушался, а вместе с гибелью его каждого сантиметрового слоя на одном гектаре терялось 76 кг азота, 240 кг фосфора, 800 кг калия, и никакая «большая химия» не способна бы-

ла компенсировать потери от дегумификации. Гумусный слой чрезвычайно тонкий: если представить Землю в виде футбольного мяча, то он должен быть изображен оболочкой тоньше человеческого волоса и формируется он в течение очень длительного времени. Подсчитано, что для восстановления перегнойного горизонта толщиной в 2,5 см, разрушенного процессами эрозии, необходимо от 300 до 1000 лет, да и то лишь при условии наличия хорошего растительного покрова [46; 150].

В свое время некоторые идеологически «подкованные» советские ученые, обсуждая проблемы нарастания засушливости на нашей планете и десертификации (опустынивания) ее все более широких территорий, любили, где надо и не надо, пенять на «капиталистов-империалистов». Дескать, это они, эксплуатируя неокOLONиальными методами страны «третьего мира», массово вырубая тропические леса тропической Африки и сельву Амазонии (будто мы не прошли «широким» топором и бензопилой «Дружба» по «зеленому морю тайги»). Действительно, сокращение ареала лесов, этих «зеленых легких» Земли, прямо коррелирует с явлениями засушливости. Но нарастанию засушливости способствуют и широкомасштабные распахки.

До самого последнего времени этому фактору не придавалось серьезного внимания (по крайней мере, в советской науке). Между тем, как выяснилось, гигантские распахки способны вызвать крайне отрицательные климатические подвижки. Ученые считают, что по сравнению с почвой, лишенной постоянной органической защиты, почва, имеющая таковую, поглощает солнечную энергию в 7–17 раз меньше, нагревается лишь до 18–23°, или в 3–4 раза слабее [47; 73]. А, как известно, лучистая энергия Солнца, дополнительно поглощенная открытой поверхностью почвы, переходит в тепловую, является излишней и расходуется исключительно на засуху. Отсюда ясно, что почвы с обнаженной поверхностью служат источником усиления засух, причем на огромных расстояниях.

Это хорошо заметно, если обратиться к «вековому» статистическому тренду (с 1885 по 1985 гг.). В первой его четверти (1885–1910 гг.) на территории Северного Казахстана, Нижней Волги и в других районах сильная засуха, хотя и была довольно обычным явлением, отмечалась не столь часто (из 25 лет — 6–7 земледельческих сезонов). Но если рассмотреть статистику последней четверти тренда (1960–1985 гг.), когда в этих районах проходили интенсивные распахки, прежде всего целинные, то окажется, что из 25 лет засушливыми и сильно засушливыми (как, например, в 1963 г.) были около двадцати. Статистика средней урожайности на землях Северного Казахстана выявила, что с 1951 по 1987 гг. здесь было только девять лет, когда продуктивность пашни фиксировалась в пределах от 10,6 до 13,6 ц/га, т. е. в среднем каждое десятилетие было лишь по два благоприятных года [48].

На современном уровне эколого-географического прогноза предугадать региональные и глобальные последствия масштабных антропогенных (в данном случае агрогенных) влияний на природную среду трудно, но нет сомнения, что такое воздействие вызывает деградацию отдельных компонентов биосферы Земли, приводит к разбалансировке исторически сложившихся круговоротов и общему качественному перерождению. Разрушение же эволюционно возникшей качественной определенности и специфичности делает проблематичным дальнейшее развитие человеческой цивилизации. Таким образом, целинные земельные распахки в Казахстане (напомним, что в 1954–1960 гг. здесь было поднято 25,5 млн га) не могли не дать масштабных экологически негативных проекций. Приняв курс на целину, отражавшую стратегию безудержно расширяющегося (экстенсивного) природопользования, советское партийно-государственное руководство проигнорировало вселенский гуманитарный принцип «Земля — наш общий дом», взяв тем самым на себя моральную ответственность за грядущие экологические катаклизмы. Гигантская зона рискованного земледелия, формировавшаяся на пространствах Востока, была рискованна не только по отношению к урожаям, но прежде всего и главным образом в плане экологии нашего общего дома — планеты Земля. Благо, что это «советское экологическое» наследие сейчас с трудом, но целенаправленно выправляется.

Что касается экономической целесообразности, то этот аспект трудно иллюстрируется, поскольку статистические подсчеты велись лишь в строго заданном, т.е. ожидаемом в высоких властных сферах, ключе, без должного анализа параметров, не вписывавшихся в «экстенсивную» методологию, заострявшую свое внимание на «центральных» критериях: бинарных оппозициях типа «больше — меньше», «рост — не рост» и т. п. Известна оценка экономической рациональности целины, данная советскими авторами, в частности, С. Баишев считал, что от целины страна получила 6,1 млрд чистой прибыли [49; 161]. Академик А.А. Никонов пишет, что советское государство в целину за 1954–1959 гг. вложило 37,4 млрд рублей, за счет товарного зерна этих районов бюджет получил около 62 млрд рублей, следовательно, считает он, от целины получено чистого дохода 24 млрд рублей

[30; 309]. Но сегодня можно смело утверждать: вряд ли кто точно знает, какова действительная цена экономических издержек легендарных казахстанских миллиардов пудов хлеба.

Тем не менее, если учесть, что в целинный гектар засевалось от 1,5 до 2 ц зерна, а собиралось не более 6-9 ц (в 1954–1958 гг. средняя урожайность была на уровне 7,3 ц/га, в 1961–1965 гг. — 6,1 ц/га, а в засушливом 1963 г. — и вовсе 3,9 ц/га), то вопрос об экономической целесообразности предстает отнюдь не праздным [50; 4]. Причем надо учесть, что в отдельных целинных областях было еще хуже. Так, например, в Целиноградской области с 1954 по 1967 гг. три года урожайность земель не превышала 4 ц/га, а в 1965 г. — не достигала и до 2 ц/га [75]. Даже в весьма благоприятном 1958 г. совхозы Целинного края Казахстана принесли государству убытков на сумму в 75 млн руб. (и это в год очень высокого урожая), а в 1962 г. — в три раза больших масштабах (223 млн руб.), из 670 совхозов только 101 хозяйство (15 %) закончило хозяйственный год с прибылью [51]. Между тем Хрущев предрекал, что в среднем можно собирать по 15-17 ц/га, что говорило об уровне его компетенции относительно продуктивных возможностей целинных агроландшафтов [27; 468].

Понятно, что на величину издержек сельскохозяйственного производства прямо влияли и масштабы привлечения трудовых ресурсов. Ежегодно на целину прибывала огромная масса студентов, городских жителей, комбайнеров и механизаторов из других областей и республик. Так, в 1956 г. (первый случай, когда Казахстан дал 1 млрд пуд. хлеба) на уборку урожая со всех концов страны было стянуто около 12 тыс. комбайнеров, 20 тыс. шоферов с соответствующей техникой. В 1959–1963 гг. на целинной жатве работали 358 тыс. механизаторов, прибывших из других союзных республик (на это было затрачено 30,7 млн руб.) [52].

Традиционным донором трудовых ресурсов для советского экстенсивного сельского хозяйства являлось студенчество. В своем выступлении на XII Пленуме ЦК Компартии Казахстана (декабрь 1969 г.) его первый секретарь Д. Кунаев отмечал: «Мы уверены в том, что комсомол с присущим ему задором и энтузиазмом... внесет свой вклад в подготовку механизаторов из числа студентов вузов» [53]. Как говорится, сказано — сделано. В высших учебных заведениях республики (даже аграрно-непрофильных) в послелекционное время стал читаться обязательный курс «Комбайноведение».

Как всегда, включилась машина идеологического обеспечения «молодежного энтузиазма». Снимались бодрящие киноленты, воспевающие романтику комсомольских ударныхстроек, оперативно сочинялись песни с молодежно-задорным рефреном («Радостный строй гитар. Яростный строй отряд. Словно степной пожар, песен костры горят» или «У студентов есть своя планета — это Целина!»). Словообильные «трибуны» — застрельщики из различных комсомольских аппаратов, поднатворившие на «высокопатриотической» риторике, призывали молодежь «повыше засучить рукава». Сразу после летней сессии студенческие эшелоны отправлялись на «третий трудовой семестр» (так пафосно обозначалось это в лозунгах мобилизационно-трудовой кампании). Например, в 1969 г. в уборке урожая участвовали более 1 тыс. студентов вузов и 2 тыс. учащихся средних специальных учебных заведений, получивших, как бы, специальность механизатора [54; 135].

По такой же ускоренной программе обучения ремеслу механизатора готовились и рабочие промышленности, строительства, транспорта. В уже упомянутом году на хлебной ниве трудились 10 тыс. «посланцев промышленного пролетариата и тружеников города».

Еще одним массовым источником «целинного труда» являлась армия. На уборку урожая регулярно посылались десятки военных автомобильных батальонов, тысячи солдат срочной службы. Кроме того, сюда же направлялись и воины запаса, призванные, якобы, на военную переподготовку (освоение модернизированной техники, поступавшей в Вооруженные Силы). Вот один из примеров такой, по сути, военной мобилизации на «хлебный фронт». В июне 1968 г. (а это повторялось из года в год) Совет Министров СССР принял постановление, разрешающее (на самом деле, прямо обязывающее) Минобороны призвать для комплектования автомобильных батальонов, формирующихся для перевозки зерна, 19 тыс. военнообязанных (воинов резерва) на так называемые «специальные» 6-месячные сборы. Помимо этого, тем же постановлением военному ведомству предписывалось задержать на действительной военной службе до 1 декабря 1968 г. 70 тыс. военнослужащих, имеющих специальность водителей военных автомобилей и подлежащих увольнению из рядов Советской Армии в запас в июне, т.е. их демобилизация задерживалась еще на 5 месяцев [55]. С 1 августа 1968 г., согласно аналогичному распоряжению Совмина СССР, военкоматы Минобороны призвали на 3-месячные военные сборы еще 33 тыс. военнообязанных, в том числе 2250 офицеров запаса [56].

Вместе с тем Совмин СССР обязывал Госснаб СССР выделить Минобороны до 1 сентября 1968 г. 15 тыс. грузовых автомобилей, 90 машин ГАЗ-29, 150 передвижных мастерских и

120 топливно-заправочных автомобилей для уборки урожая (вся эта техника и должна была обслуживаться призванными на военные сборы). В августе того же года по указанию правительства Госснаб выделил Минобороны с этой же целью еще 10 тыс. автомобилей, 80 ГАЗ-29, 100 передвижных автомастерских и 100 топливных автоцистерн. Всего было поставлено 32 тыс. грузовых автомобилей [57]. Например, только в Кустанайской области на уборке урожая 1968 г. было задействовано 20 тыс. военных автомашин [58].

Все эти массовые мобилизации на «хлебный фронт» приводили к огромнейшим и нерациональным затратам масс труда. Порой число прямо или косвенно занятых на хлебной ниве достигало более 1 млн человек. Безусловно, это не могло не сказываться на рентабельности зернового производства, его реальной себестоимости.

Хорошо известно, что в структуре многофакторного анализа стоимости любого производства трудовые издержки занимают достаточно большой сегмент, чтобы его с легкостью можно было нивелировать, т.е., попросту говоря, не замечать. Но совхозно-колхозная «бухгалтерия» очень часто так и поступала, не вдаваясь особо во все эти экономические «хитросплетения» и головоломки. Здесь руководствовались не по-хозяйски рачительными, а привычными иждивенческими соображениями.

Если игнорировались прямые издержки труда, то о косвенных, т.е. производных «мелочах», вообще не задумывались. Так, рабочие промышленности и горожане из других сфер занятости в связи с сельхозработами относительно надолго отвлекались от постоянного места работы, но получали здесь 75 % своей зарплаты, не создавая при этом эквивалентной ей материальной (или нематериальной) стоимости. Студенты, отправленные на хлебную страду, вследствие ее обычного затягивания возвращались не к началу учебного года (1 сентября), а гораздо позже (иногда чуть ли не в октябре). Из-за этого нарушались учебно-тематические графики занятий, сжимались и урезались лекционные курсы. В результате студенты не прослушивали иные темы или были вынужденно осваивать их самостоятельно (это, конечно, не могло не сказываться в их будущей профессиональной деятельности).

Огромны были и энергетические затраты, которые росли в силу поистине бескрайних целинных просторов: площади совхозных земель составляли десятки тысяч гектаров. Здесь один механизатор был вынужден обрабатывать в среднем 50-60 га земель, тогда как на его собрата по специальности в России приходилось 11,6 га, на Украине — 5,6, а в Белоруссии — 4,7 га [59; 28], т.е. от 5 до 12 раз меньший объем обрабатываемых площадей. Неимоверно растянутыми в своих расстояниях были «плечи» перемещения тракторов, комбайнов и автомобилей (в иных совхозах, чтобы добраться от центральных усадеб до отделений или бригад, требовалось проехать 20–30 километров). Понятно, это требовало значительных затрат энергоносителей (бензина, солярки, смазочных материалов и т. п.).

Западный фермер, хозяйствующий в рыночном пространстве, при подобных энергозатратах сразу бы разорился, ибо уже только из-за этого свел бы рентабельность своего производства к нулю или, что, скорее всего, вообще, к отрицательным величинам. А потому он вплоть до десятых и сотых долей, калькулировал необходимые энергозатраты.

Советское же «общественное» сельское хозяйство было лишено «капиталистических комплексов». Государство приказывает пахать огромные площади — значит, так надо, ему виднее! А что касается необходимого горючего, так государство неограниченно выдаст его столько, сколько потребуется, причем по льготным ценам и в счет все тех же безвозвратных кредитов. (Сталин, реагируя в свое время на критический пессимизм западных экономистов по поводу способности советских колхозов получать хотя бы среднюю норму прибыли, с явной издевкой говорил, что эти буржуазные «ученые» забывают, что социалистические хозяйства не нуждаются ни в какой средней прибыли и даже, вообще, прибыли; им всегда поможет родное государство. Как оно тогда помогало, мы знаем по массовому голоду начала 1930-х гг. Но иждивенческое кредо социалистического коллективного сельского хозяйства вождь невольно высказал тогда достаточно точно.)

Взращенные еще со времен коллективизации на стереотипах нехозяйской мотивации («не мое, а чье-то общественное», т.е. принадлежащее какой-то трудно постижимой анонимно-абстрактной коллективности), массовые сельские труженики вяло реагировали и на дежурно-затасканные призывы к режиму строгой экономии. А потому нередко можно было наблюдать картинку, когда на совхозных и бригадных складах горюче-смазочных материалов из кранов цистерн непрерывно сочился бензин или солярка, наполняя под собой «энергетическую» лужу, возле которой была «рачительно» вбита табличка «Осторожно! Не курить! Взрывоопасно!». Как говорится, маленькие детали, но из них состоял весь механизм.

Как уже отмечалось, самым важным целеполаганием целинных распахов являлась задача решения зерновой проблемы. Но было ли оно достигнуто, а точнее даже, могло ли быть реализовано в условиях советской нерыночной экстенсивной экономики?

Ориентировавшаяся на методологию экстенсификации, советская агроэкономическая наука считала, что для снятия продовольственной проблемы важно достигнуть такого положения, чтобы на душу населения приходился условно, как минимум, гектар пашни. В этом плане в 1950-х гг. в СССР отмечался дефицит примерно в 50 млн га. (Поэтому цифра в 42 млн га распаханной в стране целинной нови отнюдь не случайна.) Задача, поставленная научными авторитетами, была решена — каждый советский человек «получил» почти по гектару. На долю СССР приходилось 16 % всех зерновых площадей на земном шаре (для сравнения: КНР — 13 %, Индия — 14, США — 8,5 %) [60]. Однако проблема осталась. Располагая гигантским сельскохозяйственным потенциалом, страна начиная с 1970-х гг. стабильно входила в пятерку крупнейших мировых импортеров зерна (наряду с Японией, Китаем, Саудовской Аравией и др.).

Практика жизни доказала, что в условиях НТР природный фактор сам по себе еще не есть решающее условие. Взять хотя бы Нидерланды, которые крайне ограничены в земельных площадях и вынуждены метр за метром отвоевывать польдеры у моря. Однако СССР — одна шестая часть Земли — не шел с ней в силу экстенсивного характера экономики ни в какое сравнение. В Голландии площадь пашни составляла всего 0,9 млн га (в СССР — 233 млн). Продукция на один гектар пашни составила здесь 8900 дол. (в СССР — 300). Один гектар пашни кормил 16,5 человека (в СССР — 1,2). Один работник сельского хозяйства обеспечивал продовольствием 60 человек (в СССР — 13). Между тем на гектаре пашни в СССР было занято людей в 15-20 раз больше, чем в Голландии [61].

Итак, целина как «экстенсивный» маневр экономически не оправдал себя. Страна оставалась импортером зерна, а выход на вынужденную интенсификацию был надолго заблокирован.

Переходя к вопросу о социальной составляющей целины, надо однозначно сказать, что она бесспорна. Только в первые десятилетия освоения целины протяженность автодорог с твердым покрытием выросла более чем в 14 раз, железнодорожных путей стало на две с половиной тысячи километров. Было протянуто 90 тыс. км линий электропередач, причем 85 тыс. — в сельской местности [62].

В голой до этого степи появилось множество поселков с хорошей социально-культурной инфраструктурой. Обновлялись старые города региона — Целиноград, Павлодар, Кокчетав, Кустанай, Петропавловск, росла численность их населения. В разы возросло строительство жилья, объектов соцкультбыта, школ, детских дошкольных учреждений, поликлиник, больниц и т. д. Создавались областные центры высшей школы (педагогические, медицинские, сельскохозяйственные, инженерные институты).

Но и в контексте социальных опосредований «целинный проект» не обошелся без своих отдельных негативных проекций. Уже отмечалось, что освоение целины осуществлялось главным образом путем привлечения трудовых ресурсов из других республик (в 1960–1965 гг. рост населения Северного Казахстана на 61 % обеспечивался за счет межреспубликанской миграции) — выходцев из РСФСР, Украины, Молдавии, Белоруссии и т. д. (Во время встречи с Мао Цзедунем Хрущев обсуждал даже возможность широкомасштабного привлечения на целину китайской рабочей силы.) С 1954 по 1964 гг. все народонаселение Казахстана возросло на 60 %, а численность населения областей, входивших в Целинный край, — на 80 % (1,6 млн чел.) и в большей своей части именно за счет внешней миграции [63].

В результате здесь сформировалась широкая этноконтактная социокультурная зона, сильно динамизировавшая процессы интернационализации общественной жизни, что, исходя из мирового опыта, являлось в принципе позитивной тенденцией. В то же время обширность миграционного потока имела отрицательные последствия. Так, регионы-доноры, т. е. районы — источники миграционного потока, превратились из трудоизбыточных в трудодефицитные территории и стали обнаруживать острейший дефицит рабочей силы (например, российское Нечерноземье). Неконтролируемая миграция содействовала тому, что удельный вес титульного этноса в национальной структуре населения Казахстана снизился до 30 процентов. В результате возникла объективная угроза языку (ареал функционирования казахского языка еще более сузился: более 700 школ были переведены с казахского языка обучения на русский), социокультурным и другим институтам системы жизнеобеспечения казахского этноса. А это не могло не отразиться на всем комплексе межнациональных отношений, порождая взрывоопасные проблемы и напряжения.

В ходе освоения целины еще более обострилась проблема региональных противоречий в размещении производительных сил Казахстана. Целина, как и индустриальные Восток и Центр, стала основным центром притяжения государственных инвестиций, в ущерб другим регионам республики. В результате производственные и социальные инфраструктуры развивались в последних гораздо менее динамично, а производительные силы чуть ли не стагнировали, порождая вопросы занятости и пауперизации населения, демографические и экологические проблемы и т. д. Все это служило базой для возникновения проблемы «Север — Юг» (отстававшие в плане развития производительных сил западный и южный регионы и относительно более развитые Север, Восток и отчасти Центр), которая в будущем обернется серьезными последствиями в самых разных своих проекциях.

Заключение

Хотя целина не решила зерновую проблему в СССР, проявились определенные социальные, этнодемографические, экологические негативы проекта, однако, по нашему мнению, в целом для Казахской ССР в процессе освоения целины преобладали положительные моменты. Целина сыграла огромную роль в создании в регионе обширной социальной и производственной инфраструктур, возникновении новых и расцвете старых городов. Также позитивы итогов целины заключались в огромном потоке капиталовложений, которые аграрный сектор республики, находясь на периферии и как второстепенный сегмент экономики, и территориально, не получил бы никогда, если бы не целинная кампания. Этот компонент позволил выйти аграрному сектору Казахстана и по количественным, и по качественным показателям на новый уровень (в частности, как крупный зерновой регион по выращиванию лучших сортов твердой пшеницы). Крупные вложения в аграрный сектор республики способствовали пусть даже временному, но заметному его оживлению. Массовый приток мигрантов практически из всех республик бывшего СССР не только создавал очаги напряжения, но во многом способствовал сближению культур этнических групп, формированию в Казахстане широкой социокультурной и этноконтактной зоны.

В 2017 г. казахстанские и российские эксперты на заседании экспертного клуба «Мир Евразии» обсуждали тему «Сила колоса: освоение целины Казахстана как фактор интеграции евразийских народов». Участники дискуссии отмечали, что заслуги целинников незаслуженно забыты, между тем освоение целины — это историческое наследие наших стран. При обсуждении эксперты рассказали, что ОФ «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» в 2009 г. в рамках исследования «Евразийский монитор» изучал тему отношения населения постсоветских стран к истории XX в. (и целине, в том числе). В выступлении Г. Илеуовой, президента Центра, отмечалось, что, когда осуществлялся этот проект, была гипотеза, что в силу этнического подхода к истории произошел перекося в общественном мнении и сформировалось негативное отношение, особенно у молодежи, к истории советского периода XX в. (при опросе был сделан возрастной срез 18–30 лет). Полученные данные во время опроса: 7,5 % опрошенных не знают о таком событии, как освоение целины, негативно отреагировали 5 %, 10 % — те, кто затруднился с ответом. В основном, отмечает Илеуова, люди говорили о том, что событие «скорее, позитивно» и «безусловно, позитивно», ответ «нейтрально» выбрали около 10 % [64]. Исследование показало, считает Г. Илеуова, что отношение к этой теме спокойное: чем моложе респонденты, тем меньше они знают о целине, но тем меньше положительных оценок; у старшего поколения (в возрасте от 45 лет) больше положительных оценок. За это время, отметили участники обсуждения, изменилось не только отношение ко всему советскому, но и отношение к трудовому подвигу освоения целины. Обсуждение этих проблем на дискуссионных площадках демонстрирует возвращение, новый виток исследовательского интереса (после 1990-х гг. — начала 2000-х гг.) не только у научной общественности, но и молодежи к истории освоения целины.

Список литературы

- 1 Баишев С.Б. Социально-экономические итоги освоения целинных земель в Казахской ССР / С.Б. Баишев, Г.Ф. Дахшлейгер // Вопросы истории. — 1975. — № 3. — С. 21.
- 2 Журавлев С. Целинная эпопея [Электронный ресурс] / С. Журавлев. — 2018. — Режим доступа: <http://lhistory.ru/statyi/celinnaya-epopeya>.
- 3 Андреев С.Н. «Целинный проект» и развитие зернового хозяйства Западной Сибири в середине 1950-х — начале 1960-х годов / С.Н. Андреев // Исторический ежегодник. — Новосибирск, 2007. — С. 116–131.
- 4 Вербицкая О.М. Хрущева: взгляд из XXI в. / О.М. Вербицкая // Русский исторический сборник. — Т. 5. — М., 2013. — С. 175–197.

- 5 Самсонов А. Целинная эпопея Хрущева [Электронный ресурс] / А. Самсонов. — 2016. — Режим доступа: <https://topwar.ru/91085-celinnaya-epopeya-hruscheva.html>.
- 6 Абдирайымова А.С. Хозяйственно-экономические, демографические и экологические последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане (1950-е — 1990-е гг. XX в.) / А.С. Абдирайымова: дис. ... канд. ист. наук. — Алматы: КазНУ, 2007. — 133 с.
- 7 Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. / Ж.Б. Абылхожин. — Алма-Аты: Университет «Туран», 1997. — 360 с.
- 8 Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство / И.Е. Зеленин. — М.: ИРИ РАН, 2001. — 304 с.
- 9 Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 — начало 60-х годов) / И.Е. Зеленин // Отечественная история. — 1998. — № 4. — С. 109–122.
- 10 Верт Н. История советского государства. 1900 — 1991 гг. / Верт Н. — М., 1992. — 480 с.
- 11 Мухитдинов Н. А. Годы, проведенные в Кремле / Н.А. Мухитдинов. — Ташкент, 1994
- 12 Чуев Ф. 140 бесед с Молотовым / Ф. Чуев. — М., 2001. — 309 с.
- 13 Шепилов Д.Т. Непримкнувший. Воспоминания / Д.Т. Шепилов. — М.: Центрполиграф, 2017. — 448 с.
- 14 РГАНИ. Ф.52. Оп.1. Д.247. Л.1
- 15 Хрущев Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть: в 2-х кн. Кн. 1 / Н.С. Хрущев. — М.: Вече, 2016. — 662 с.
- 16 РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.64. Л.15.
- 17 Шаяхметов Ж.Ш. Энциклопедия [Электронный ресурс]. — 2017. — Режим доступа: <http://ru.encyclopedia.kz/index>.
- 18 Аккозин М.А. Вернуть из забвения: правдивая история о Жумабае Шаяхметове, первом казахе, возглавившем республику / М.А. Аккозин. — Алматы, 2008. — 260 с.
- 19 РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.64. Л.140.
- 20 Хрущев С.Н. Реформатор / С.Н. Хрущев. — М.: Вече, 2016. — 276 с.
- 21 Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. — Алма-Ата, 1963. — 672 с.
- 22 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. — Т. 8. — М.: Политиздат, 1985. — 542 с.
- 23 РГАСПИ. Ф.625. Оп.1. Д.99. Л.499–500.
- 24 Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства / Н.С. Хрущев. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1962. — 496 с.
- 25 XX съезд КПСС и его исторические реалии. — М., 1991. — 416 с.
- 26 Кунаев Д. О моем времени / Д. Кунаев. — Алматы, 2011. — 376 с.
- 27 Хрущев Н. С. Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов / Н.С. Хрущев. — М., 1961. — 515 с.
- 28 Народное хозяйство Казахской ССР: стат. сборник. — Алматы: Казгосиздат, 1957. — 381 с.
- 29 РГАНИ. Ф.5. Оп.45. Д.71. Л.83.
- 30 Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.) / А.А. Никонов. — М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. — 574 с.
- 31 РГАСПИ. Ф.17. Оп.89. Д.225. Л.7.
- 32 РГАНИ. Ф.5. Оп.45. Д.94. Л.89.
- 33 Народное хозяйство Казахстана в 1960 и 1961 гг.: стат. сборник. — Алма-Ата, 1963.
- 34 Народное хозяйство Казахстана в 1971 г. — Алма-Ата, 1972.
- 35 Масанов Н.Э. История Казахстана. Народы и культуры / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева, А.Н. Алексеев. — Алматы, 2001. — 600 с.
- 36 Жаркенова А.М. Индустриальный и целинный факторы в изменении численности населения Северного Казахстана / А.М. Жаркенова // Вестн. КазНПУ. — 2015. — № 2(45). — С. 9–15.
- 37 Козина В.В. Демографическая история Казахстана / В.В. Козина. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. — 145 с.
- 38 Козлов В.А. Межнациональные браки в Казахстане: оценка предпочтений с помощью матрицы межэтнических расстановок [Электронный ресурс] / В.А. Козлов, Г.К. Айгозина / Демоскоп. — 2017. — № 733–734. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0733/analit03.php>.
- 39 Проблемы Северного Казахстана и степных районов Западной Сибири, Материалы выездной сессии ВАСХНИЛ. — Целиноград, 1966 – янв. 31–4 февр.
- 40 АП РК. Ф. 708. Оп. 31. Д. 126. Л. 92.
- 41 Шишова Л.Л. Критерии и модели плодородия почв / Л.Л. Шишова, И.И. Карманов, Д.Н. Дурманов. — М., 1987. — 198 с.
- 42 Боровский В.М. Почвы Казахстана и пути их народнохозяйственного использования / В.М. Боровский, У.У. Успанов. — Алма-Ата, 1970. — 26 с.
- 43 Оспанов Б.С. Землеустройство Республики Казахстан — история и современность / Б.С. Оспанов // Освоение целинных и пахотных земель: история и современность: науч.-теор. конф., посвящ. 50-летию освоения целинных и залежных земель, 4–6 декабря. — Алматы, 2004. — С. 17–23.
- 44 Лестер Браун. Предотвращение эрозии почвы / Лестер Браун // Мир восьмидесятых годов. — М., 1989. — С. 14–22.
- 45 Елешев Р.Е. Современное состояние пахотных земель и пути воспроизводства их плодородия / Р.Е. Елешев // Освоение целинных и пахотных земель: история и современность: науч.-теор. конф., посвящ. 50-летию освоения целинных и залежных земель, 4–6 декабря. — Алматы, 2004. — С. 97–101.

- 46 Лемешев М.Я. Эффективность интенсификации сельского хозяйства: опыт СССР и США / М.Я. Лемешев // Соревнование двух систем: современное состояние, факторы, перспективы. — М., 1988.
- 47 Золотарев П.Т. О причине засухи и путях ее преодоления / П.Т. Золотарев, С.П. Золотарев, Н.П. Золотарева // Земледелие. — 1990. — № 3. — С. 14–25.
- 48 АП РК. Ф.708. Оп. 1. Д.1295. Л, 19.
- 49 Баишев С.Б. Вопросы социально-экономического развития Советского Казахстана / С.Б. Баишев. — Алма-Аты: Наука, 1981. — 261 с.
- 50 Динамика посевных площадей, урожайности, валовых сборов по Казахской ССР: стат. сборник. — Алма-Ата, 1989
- 51 АП РК, ф.708, оп.44, д.170, л.54.
- 52 Правда. — 1962. — 14 июня.
- 53 Казахстанская правда. — 1969. — 25 дек.
- 54 Колодин Ф.И. Торжество ленинского плана социалистического преобразования сельского хозяйства Казахстана / Ф.И. Колодин — Алма-Ата, 1971. — 137 с.
- 55 АП РК. Ф. 708. Оп.44. Д. 170. Л. 56.
- 56 АП РК, ф.708, оп.44, д.170, л.64.
- 57 АП РК, ф.708, оп.42, д.222, л.63; оп.44, д.170, л.68.
- 58 АП РК, ф.708, оп.42, д.222, л.119.
- 59 Калиев Г.А. Освоение целины и ее социально-экономические последствия // Освоение целинных и пахотных земель: история и современность: науч.-теор. конф., посвящ. 50-летию освоения целинных и залежных земель, 4–6 декабря. — Алматы, 2004. — С. 24–31.
- 60 СССР и зарубежные страны. 1988 г.: стат. сборник. — М., 1990.
- 61 Аргументы и факты. — М., 1989. — № 24.
- 62 Назарбаев Н. А. Поднятая целина — символ дружбы и созидания: Доклад на торжественном заседании, посвящ. 50-летию освоения целинных и залежных земель / Н.А. Назарбаев // Казахстанская правда. — 2004. — 7 февр.
- 63 АП РК. Ф. 708. Оп. 139. Д. 2533. Л. 3.
- 64 Освоение целины: благо или зло для Казахстана? 04 ноября 2017 [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://total.kz/ru/news/vnutrennyaya_politika/osvoenie_tselini_bлаго

З.Г. Сактаганова, Ж.Б. Абылхожин

**«Тыңайған жерлерді игеру жобасы»: жетістіктері және мәселелері
(тыңайған жерлерді игерудің әлеуметтік-экономикалық және экологиялық аспектілері)**

Мақалада зерттеудің нысаны ретінде Қазақстандағы Н.С. Хрущевтің тың және тыңайған жерлерді игеру бойынша аграрлық саясаты және оны жүзеге асырудың тәжірибесі алынды. Тың мәселелерін шешу барысындағы ішкі одақтық жетекшілер мен ауыл шаруашылығымен айналысушы ғалымдар және Н.С. Хрущев пен қазақстандық жетекшілер арасындағы қарама-қайшылықтар қарастырылды. Мұрағат және статистикалық материалдардың негізінде Қазақ КСР-ғы тыңайған жерлерді игерудің барысы мен салдары зерттелді. Авторлар тың бойынша кеңестік әдебиеттерге тарихнамалық шолуы жасап, бұл әдебиеттерде Қазақстан территориясындағы тың және тыңайған жерлерді игерудің оң бағалануы жөнінде қорытынды жасаған. Тыңайған жерлерді игеру мәселесі бойынша қазіргі заманғы қазақстандық тарихнама 1990 ж. бастап 2000 ж. аралығында радикалдық кері бағадан ғылыми өлшенген баға аралығындағы жолдан өтті. Отандық тарих ғылымында тыңайған жерлерді игеру бойынша арнайы іргелі жұмыстар жоқ. Бұл үрдістер кеңестік кезеңдегі ҚазКСР-ғы әлеуметтік-экономикалық зерттеу контекстінде қарастырылды. Толықтай алғанда, авторлар тыңайған жерлерді игеру тақырыбының ғылыми тұрғыда болашағы бар және соңғы кезде тек қана мамандар емес, сонымен қатар қазақстандық қоғам тарабынан қызығушылық танытып отыр деп санайды.

Кілт сөздер: Қазақстан тарихы, тың, тыңайған жерлерді игеру, аграрлық саясат, қазақстандық тарихнама.

Z.G. Saktaganova, Zh.B. Abylkhozhin

**«Wilderness project»: achieving and problems
(socio-economic and ecological aspects of virgin lands)**

The agrarian policy of N.S.Khrushchev on the development of virgin and fallow lands and the practice of its implementation in Kazakhstan became the object of study of this article. Solving the virgin problem the contradictions and confrontation within the Union leadership and by the scientists of the agrarians, as well as between N.S.Khrushchev and the Kazakh leaders were considered. On the basis of archival and statistical mate-

rials, the course and consequences of the development of virgin lands in the Kazakh SSR are traced. On the basis of archive and statistical materials run and the consequences of development of virgin lands in Kazakh CCP are traced. By authors they are made historiographic review of Soviet literature about virgin soil and conclusion is made that as a whole in works positive evaluations of development of virgin and laylands on Kazakhstan territory were present. Modern Kazakstani historiography on virgin problems passed way from radically negative evaluation in 1990s to scientific weighted in 2000s. There are no special fundamental works on development of the virgin soil in Domestic historical science meanwhile. These processes are considered in the context of studying of socio economic problems of Kazssr in Soviet period. As a whole, authors draw conclusion that the topic of the virgin soil is promising in scientific plan and causes to the last

Keywords: History of Kazakhstan, virgin lands, development of virgin lands, agrarian policy, kazakh historiography.

References

- 1 Baishev, S.B., & Dahshleyger, G.F. (1975). Sotsialno-ekonomicheskie itogi osvoiniia tselinnykh zemel v Kazakhskoi SSR [Socio-Economic Insights of Celestial Earthquake in Kazakh SSR]. *Voprosy istorii – Question of History*, Vol 3, 21 [in Russian].
- 2 Zhuravlev, S. (2018). Tselinnaia epopeia [Celtic epic]. *lhistory.ru*. Retrieved from: <http://lhistory.ru/statyi/celinnaya-epopeya> [in Russian].
- 3 Andreenkov, S.N. (2007). «Tselinnyi proekt» i razvitie zernovogo khoziaistva Zapadnoi Sibiri v seredine 1950-h – nachale 1960-h hodov [«Tselinny project» and development of the Znamnovsky farm West Siberia in the 1950s - the beginning of the 1960s]. *Istoricheskii ezhepodnik – The Istorich Hero*, 116–131 [in Russian].
- 4 Verbitskaya, O.M. (2013). Tselinnyi proekt N.S. Hrushcheva [Celtic epoch of Khrushchev]. *Russkii istoricheskii sbornik – Russian historical collection*, Vol. 5, 175–197 [in Russian].
- 5 Samsonov, A. (2016). Tselinnaia epopeia Hrushcheva [Virgin epic Khrushchev]. *topwar.ru*. Retrieved from: <https://topwar.ru/91085-celinnaya-epopeya-hrusheva.html>
- 6 Abdirayymova, A.S. (2007). Hoziastvenno-ekonomicheskie, demograficheskie i ekologicheskie posledstviia osvoiniia tselinnykh i zaleznykh zemel v Kazakhstane (1950-e – 1990-e hh. XX v.) [Economically-economic, demographic and environmental consequences of the development of virgin and fallow lands in Kazakhstan (1950s – 1990s. XX centuries)]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Almaty: KazNU [in Russian].
- 7 Abylhozhin, Zh.B. Ocherki sotsialno-ekonomicheskoi istorii Kazakhstana. XX vek [The sketches of socio economic Kazakhstan history. XX century]. Alma-Aty: Universitet «Turan» [in Russian].
- 8 Zelenin, I.E. (2001). Ahrarnaia politika N.S. Hrushcheva i selskoe khoziaistvo [Agrarian policy N.S. Khrushchev and agriculture]. Moscow: IRI RAN [in Russian].
- 9 Zelenin, I.E. (1998). Tselinnaia epopeia: razrabotka, priiniatie i osushchestvlenie pervoi khrushchevskoi «sverkhprogrammy» (sentiaabr 1953 – nachalo 60-h hodov) [The virgin epic: development, acceptance and implementation of the first Khrushchev «overprogram» (September 1953 - the beginning of 60s)]. *Otechestvennaia istoriia – Domestic history*, Vol. 4, 109–122 [in Russian].
- 10 Vert, N. (1992). *Istoriia sovetskogo gosudarstva. 1900 – 1991 hh.* [The history of Soviet state. 1900–1991]. Moscow [in Russian].
- 11 Muhitdinov, N.A. (1994). *Hody, provedennye v Kreml'e* [Years carried out in Kremlin]. Tashkent [in Russian].
- 12 Chuev, F. (2001). *140 besed s Molotovym* [140 conversations with Molotov]. Moscow [in Russian].
- 13 Shepilov, D.T. (2017). *Neprimknushii. Vospominaniia* [Is Unadjoining. Reminiscences]. Moscow: Centrpolihraf [in Russian].
- 14 RGANI. F.52. Op.1. D.247. L.1 [Russian State Archive of the Contemporary History]. [in Russian].
- 15 Hrushchev, N.S. (2016). Vospominaniia. Vremia. Liudi. Vlast. V 2 kniax. Kniha 1 [Reminiscences. Time. People. Authority. In 2 books. Book 1]. Moscow: Veche [in Russian].
- 16 RGANI. F.5. Op.30. D.64. L.15 [Russian State Archive of the Contemporary History]. [in Russian].
- 17 Shayahmetov, Zh.Sh. (2017). Kazakhstanskaia Entsiklopediia [Kazakhstanian encyclopedia]. *ru.encyclopedia.kz*. Retrieved from: <http://ru.encyclopedia.kz/index>.
- 18 Akkozina, M.A. (2008). *Vernut iz zabvenii: pravdivaia istoriia o Zhumabae Shaiakhmetove, pervom kazakhe, vozhlavivshem respubliku* [To return from oblivion: faithful history of Zhumabae Shayakhmetov, the first Kazakh who came to the head of republic]. Almaty [in Russian].
- 19 RGANI. F.5. Op.30. D.64. L.140 [Russian State Archive of the Contemporary History]. [in Russian].
- 20 Hrushchev, S.N. (2016). *Reformator* [Reformer]. Moscow: Veche [in Russian].
- 21 Ocherki istorii Kommunisticheskoi partii Kazakhstana (1963) [The sketches of the history of Communist party of Kazakhstan]. Alma-Ata [in Russian].
- 22 KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh sezdov, konferentsii i plenumov (1985) [CPSU in resolutions and the decisions of congresses, conferences and plenums]. (Vol. 8). Moscow: Politizdat [in Russian].
- 23 RGASPI. F.625. Op.1. D. 99. L. 499-500 [Russian state archive of sociopolitical history] [in Russian].
- 24 Hrushev, N.S. (1962). Stroitelstvo kommunizma v SSSR i razvitie selskogo khoziaistva [Construction of the communism in USSR and development of agriculture]. (Vol. 1). Moscow: Hopolitizdat [in Russian].
- 25 XX sezd KPSS i ego istoricheskie realii (1991) [XX the congress of the CPSU and his historical facts]. Moscow [in Russian].
- 26 Kunaev, D. (2011). *O moem vremeni* [Of my of the time]. Almaty [in Russian].

- 27 Hrushev, N.S. (1961). Povysheenie blagosostoianii naroda i zadachi dalneisheho uvelicheniia proizvodstva selskokhoziaistvennykh produktov [Increase of well-being of the people and the task of further increase of production of rural products]. Moscow [in Russian].
- 28 Narodnoe khoziaistvo Kazakhskoi SSR (1957) [National economy of Kazak SSR]. Almaty: Kazhosizdat [in Russian].
- 29 RGANI. F.5. Op.45. D.71. L.83 [Russian State Archive of the Contemporary History]. [in Russian].
- 30 Nikonov, A.A. (1995). Spiral mnohovekovoi dramy: ahrarnaia nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.) [The spiral of centuries-old drama: agrarian science and Russia politics (XVIII–XX)]. Moscow: Entsiklopediia rossiiskikh dereven [in Russian].
- 31 RGASPI. F.17. Op.89. D.225. L.7 [Russian state archive of sociopolitical history]. [in Russian].
- 32 RGANI. F.5. Op.45. D.94. L.89 [Russian State Archive of the Contemporary History]. [in Russian].
- 33 Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana v 1960 i 1961 hh. (1963) [National economy of Kazakhstan in 1960 and 1961]. Alma-Ata [in Russian].
- 34 Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana v 1971 h. (1972) [National economy of Kazakhstan in 1971]. Alma-Ata [in Russian].
- 35 Masanov, N.E., Abylhozhin, Zh.B., Erofeeva, I.V., & Alekseenko, A.N. (2001). Istoriia Kazakhstana. Narody i kultury [History of Kazakhstan. Peoples and cultures]. Amaty [in Russian].
- 36 Zharkenova, A.M. (2015). Industrialny i tselinny faktory v izmenenii chislennosti naseleniia Severnogo Kazakhstana [Industrial and virgin factors in change of the population of Northern Kazakhstan]. *Vestnik KazNPU – Bulletin of KazNPU, Vol. 2(45)*, 9–15 [in Russian].
- 37 Kozina, V.V. (2007). *Demograficheskaia istoriia Kazakhstana [Demography History of Kazakhstan]*. Karaganda: Izdatelstvo KarHU [in Russian].
- 38 Kozlov, V.A., & Avgozina, G.K. (2017). Mezhnatsionalnye braki v Kazakhstane: otsenka predpochtenii s pomoschiu matritsy mezhetnicheskikh rasstoianii [Interethnic defects in Kazakhstan: the evaluation of preferences with the aid of the matrix of interethnic distances]. *demoscope.ru*. Retrieved from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0733/analit03.php> [in Russian].
- 39 Problemy Severnogo Kazakhstana i stepnykh raionov Zapadnoi Sibiri, Materialy vvezdnoi sessii VASHNIL [The problems of Northern Kazakhstan and steppe areas of Western Siberia, Materials of ambulatory session of the All-Union academy of rural sciences of the name of Lenin]. Tselinograd, 31 yanvaria – 4 fevralia 1966 [in Russian].
- 40 AP RK. F.708. Op. 31. D. 126. L. 92 [The archive of President of the Republic Kazakhstan].
- 41 Shishova, L.L., Karmanov, I.I., & Durmanov, D.N. (1987). Kriterii i modeli plodorodiia pochv [Criteria and the models of the soils fertility]. Moscow [in Russian].
- 42 Borovskiy, V.M., & Uspanov, U.U. (1970). Pochvy Kazakhstana i puti ikh narodno-hoziaistvennogo ispolzovaniia [The soil of Kazakhstan and the way of their national-economic use]. Alma-Ata [in Russian].
- 43 Ospanov, B.S. (2004). Zemleustroistvo Respubliki Kazakhstan — istoriia i sovremennost [Republic land management Kazakhstan is history and present state]. Development of virgin and arable lands: history and present state: *nauchno-teoreticheskaiia konferentsiia, posviashchennaia 50-letiiu osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel (4-6 dekabria) – Scientific-theoretical conference devoted to the 50-anniversary of development of virgin and laylands*. (pp. 17–23). Almaty [in Russian].
- 44 Lester Braun (1989). Predotvrashchenie erozii pochvy [Prevention of the soil erosion]. *Mir vosmidesiatykh hodov – The world of eightieth years*. Moscow [in Russian].
- 45 Eleshev, R.E. (2004). Sovremennoe sostoianie pakhotnykh zemel i puti vosproizvodstva ikh plodorodiia [State of the art of arable lands and the ways of reproduction of their fertility]. Development of virgin and arable lands: history and present state: *nauchno-teoreticheskaiia konferentsiia, posviashchennaia 50-letiiu osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel (4-6 dekabria) – Scientific-theoretical conference devoted to the 50-anniversary of development of virgin and laylands*. (pp. 97–101). Almaty [in Russian].
- 46 Lemeshev, M.Ya. (1988). Effektivnost intensivatsii selskogo khoziaistva: opyt SSSR i SShA [Efficiency of the intensification of agriculture: experience of USSR and USA]. *Sorevnovanie dvukh sistem: sovremennoe sostoianie, faktory, perspektivy – Competition of two systems: state of the art, factors, perspectives*. Moscow [in Russian].
- 47 Zolotarev, P.T., Zolotarev, S.P., & Zolotareva, N.P. (1990). O prichine zasukhi i putiakh ee preodoleniia [Of the reason of the drought and the ways of her overcoming]. *Zemledelie – Agriculture, Vol. 3*, 14–25 [in Russian].
- 48 AP RK. F.708. Op. 1. D.1295. L. 19 [The archive of President of the Republic Kazakhstan].
- 49 Baishev, S.B. (1981). *Voprosy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Sovetskogo Kazakhstana [The questions of socio economic development of Soviet Kazakhstan]*. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 50 Dinamika posevnykh ploshchadei, urozhainosti, valovykh sborov po Kazakhskoi SSR (1989) [Dynamics of areas under crops, productivities, gross collections to Kazak CCP]. Alma-Ata [in Russian].
- 51 AP RK. F.708. Op.44. D.170. L.54 [The archive of President of the Republic Kazakhstan]. [in Russian].
- 52 *Pravda- True*. (1962). 14 iiunia [in Russian].
- 53 *Kazakhstanskaia pravda [Kazakstaniian true]*. (1969, 25 dekabria). [in Russian].
- 54 Kolodin, F.I. (1971). *Torzhestvo leninskogo plana sotsialisticheskogo preobrazovaniia selskogo khoziaistva Kazakhstana [The victory of lenin plan of socialist transformation of agriculture of Kazakhstan]*. Alma-Ata [in Russian].
- 55 AP RK. F.708. Op.44. D.170. L. 56 [The archive of President of the Republic Kazakhstan]. [in Russian].
- 56 AP RK. F.708, Op.44, D.170, L.64 [The archive of President of the Republic Kazakhstan]. [in Russian].
- 57 AP RK. F.708, Op.42, D.222, L.63; Op.44, D.170, L.68 [The archive of President of the Republic Kazakhstan]. [in Russian].
- 58 AP RK. F.708, Op.42, D.222, L.119 [The archive of President of the Republic Kazakhstan]. [in Russian].
- 59 Kaliev, G.A. (2004). Osvoenie tseliny i ee sotsialno-ekonomicheskie posledstviia [Development of the virgin soil and her socially-economical consequences]. Development of virgin and arable lands: history and present state: *nauchno-teoreticheskaiia konferentsiia, posviashchennaia 50-letiiu osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel (4-6 dekabria) – Scientific-theoretical conference devoted to the 50-anniversary of development of virgin and laylands*. (pp. 24–31). Almaty [in Russian].
- 60 SSSR i zarubezhnye strany. 1988 h. (1990) [USSR and foreign countries]. Moscow [in Russian].

61 *Arhumenty i fakty – Arguments and facts*. (1989, Vol. 24). Moscow [in Russian].

62 Nazarbaev, N.A. (2004). Podniataia tselina — simvol družby i sozidaniia. Doklad na torzhestvennom zasedanii, posviashchennom 50-letiiu osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel [Newly plowed virgin soil is the symbol of friendship and creation. Report on ceremonial meeting devoted to the 50-anniversary of development of virgin and laylands]. *Kazakhstanskaia pravda – Kazakhstanian true*, 7 fevralia [in Russian].

63 AP RK. F. 708. Op. 139. D. 2533. L. 3 [The archive of President of the Republic Kazakhstan]. [in Russian].

64 Osvoenie tseliny: blaho ili zlo dlia Kazakhstana? [Virgin soil development: blessing or evil for Kazakstan?]. *total.kz*. Retrieved from https://total.kz/ru/news/vnutrennyaya_politika/osvoenie_tselini_bлаго [in Russian].